

Ускопка 1

1978

ЯНВАРЬ • 1978

год издания XXII

заветы
«Ленинские
искры»,
орган
Ленинградского
Обкома и
Горкома
ВЛКСМ,
Ленинградского
Совета
пионерской
организации
имени
В.И.Ленина

Вольт СУСЛОВ

Принимает вахту Новый год

Над Невой добрый старый год
Новому владения сдаёт.
Старый год тут не в гостях, а

дома,

Вроде знает всё наперечёт,
Вроде бы тут всё ему знакомо,
А глядит вокруг — не узнаёт!
В январе на снежном пустыре
Подарил он клюшки детворе,
В декабре опять пришёл сюда —
А пустырь-то сгинул без следа!
Побелила новая зима
Новые огромные дома,
Льётся яркий свет от фонаря —
И нигде не видно пустыря!
Принимает вахту Новый год —
Старому вопросы задаёт:
«Это что?» да «Это для чего?»
«Все дома представь до одного...»
Встретили с портфелем малыша:
В школу тот шагает не спеша.
Стоп! А где тут школа? Во-те на!..
Не было — и выросла она.
Речка вроде стала вдруг не та:
Не было ведь этого моста!
Как разросся город — не успеть
Всюду обежать да угладеть!
Старый год вздохнул:
— Послушай, друг,
Столько тут построили вокруг,
Что всего на невском берегу
Я уж и упомянуть не могу...
Видно, вправду стал я староват —
Строят так, что мне и не угнаться!
Уж такие люди — ленинградцы,
Так они свой любят Ленинград!

Рис. К. Дмитриева

НЫНЕШНИЙ год — юбилейный для Ленинграда. Ему исполняется 275 лет.

День, когда началось сооружение Петропавловской крепости — 27 мая 1703 года, — и стал днём рождения города на Неве.

Ты — ленинградец! Ты любишь свой город, по праву гордишься им. Его нельзя не любить, им нельзя не гордиться.

Ленинград — свидетель многих исторических свершений, колыбель революции, город-герой, город великого Ленина.

Архитектурные памятники Ленинграда — это сокровищница мирового искусства. Они и по сей день восхищают весь мир.

Героизму, мужеству ленинградцев отдаёт дань всё человечество.

А хорошо ли ты знаешь свой город, его прошлое, настоящее? Задумывался ли ты, каким будет наш город через 5, 10, 20 лет?

Начиная с этого номера мы открываем для тебя постоянную рубрику — «Петербург — Петроград — Ленинград».

Ты будешь знакомиться с историей Ленинграда, с героями, событиями, памятью о которых, как живой свидетель истории, хранит каждая пядь ленинградской земли.

Василий ОСТРОВСКИЙ

Рисунки В. Адаева

ПЕТЕРБУРГ ДО ПЕТЕРБУРГА

Летописец Нестор великие книги писал. Поскрипывая гусиным пером, выводил он на белые листы буквицу за буквицей о событиях самых важных. Сотни лет прошло — всё живут его буквицы: учеными изучаются, писатели в них заглядывают, поэты...

Не только летописи великие писались в давние годы на Руси, но и книги обыскные, платёжные, оброчные... В библиотеках искать эти книги бесполезно — только архивы хранят их долгие годы.

А писец — то ли Гаврилка, то ли Микитка — неизвестным остался. Ибо до великих книг допущен не был. Но труд его даром не пропал: дошло до нас его слово — тоже в историю вплелось.

Давно писал его Гаврилка-Микитка, в 1500 году: «А на Васильеве Острове, в устье Невы, Олферьевых же 8 дворов...» В первом живут: Микитка Семёнов, во втором — Михаил Сидков, в третьем — Гришка Дмитров — и так все восемь. Указывал, что на всех них приходится 45 десятин земли, сена косят 45 копён, а хлебов сеют 15 коробей. Не себе писал — князю Новгородскому докладывал. Писал он еще и о том, что «Клитки рядок — на реке Ижоре, на берегу. В рядку два двора бобыльские, пашни нет, развели они огороды капустные, а старые дворы выжгли немецкие люди, одни печищи пустые...»

На том и спасибо писцам! Кабы не они, откуда бы мы знали сегодня: кто да как жил на берегах Невы задолго до того, как вырос город.

Теперь знаем: земля тут была суровая, погода грозная, времена тревожные. Частенько случалось, что русские люди ставили свои города — Ям, Копорье, Орешек, Ивангород, а потом приходили немцы или шведы и оставались от русских поселений «одни печищи пустые...»

Не так уж и богаты были эти земли: болота, трясины да леса непроходимые. Сейчас вон речка Карповка в гранит одевается, а в старинном свидетельстве говорится: глухие тут места были, чащобы! Название своё речка получила от соседнего острова: ныне он Апте-

карский, а в древности именовался «Корписаари», что в переводе с финского означает «необитаемый, дремучий лес».

Конечно, не из-за этих лесов шли сюда войною тевтонцы да шведы, другое их манило: река Нева, древний торговый путь из варяг в греки. Захвати Неву — и получай со всех проплывающих судов денежки за водную дорогу! Выгодно... Потому и шли сюда враги крестовыми походами, начиная с XII века.

В 1221 году нагрянули ливонские рыцари, мужчин всех перебили, женщин, детишек забрали в плен, скот угнали.

А летом 1240 года дозорный новгородцев Пелгуй увидел над морем целый лес мачт с парусами: шведский король Эрих Эрикссон послал сюда своего зятя Биргера с войском. В войске том было пять тысяч воинов. Поскакал Пелгуй в Новгород к князю Александру Ярославовичу.

Ни разу ещё не доводилось воевать князю с иноземцами. Да и молод он был — двадцать лет всего. Но медлить было нельзя. Даже отцу своему, князю Ярославу, не успел ничего сообщить, на помощь позвать: собрал дружину и поскакал.

Шведы тем временем вошли в Неву, решили возле устья реки Ижоры остановку сделать. Одни корабли в устье вошли, другие к берегу причалили, на землю мостки перекинули, на берег сошли. Заискрился на солнце золотой шатёр.

Биргер себя считал уже победителем. Уже и послов к Новгородскому князю отправил, наказал передать ему: «Как ты можешь противиться мне, коли я уже здесь и землю твою пленяю».

А князь Александр скакал и скакал, торопился. Хотелось ему нанести удар неожиданно, пока войско шведское не всё на берег сошло. 150 вёрст проскакал.

15 июля подошли новгородские дружины к Ижоре. Осмотрелся князь, повелел: самому ему с конницей вдоль Ижоры прямо по золотому шатру удар держать, а «пешь» пусть ведёт новгородец Миша вдоль невского берега, рубит мостки, что с кораблей на землю брошены, и никого не пускает — ни с судов, ни на суда.

Не ждали, не гадали шведы — вылетела на них из леса русская конница! С ходу врзался князь Александр в шведские войска и «возложил Биргеру печать на лице острым своим копьём».

Дружинник Савва на коне в золотой шатёр влетел, перерубил топориком столб, на котором тот держался, — рухнул шатёр. А вдоль Невы уже катилась пешая лава, рубила мостки, врывалась на шведские корабли, швыряла за борт рыцарей в тяжёлых железных доспехах. Дружинник Гаврило Олексич погнался за шведским воеводой и епископом, да так увлёкся, что прямо верхом на палубу въехал.

Шведы были разбиты наголову. Новгородцев же и ладожан погубило всего около двадцати человек.

Колокольным звоном встречал Новгород своего князя. С того дня дал ему народ новое имя: Александр Невский.

Сорок лет не решались потом шведы в Неву сунуться, да уж больно она их прельщала!.. В 1283 году снова попробовали: всю Неву прошли, потопили в Ладоге немало русских судов. А вот обратно вернуться — не тут-то было! В устье Невы встретила их засада новгородская! Мало кому из шведов удалось тогда спастись.

Прошло ещё семнадцать лет, и снова над волнами Финского залива забелели паруса шведов: маршал Торкель плыл сюда с новым войском. Сам римский папа благословил его на этот поход. Даже в подарок маршалу прислал своего архитектора: дескать, завоюешь — сразу и строй.

Наверное, римский папа полагал, что здесь, в далёком северном краю, и поселений никаких нет. Ошибался папа: были тут не только деревни, но и городки небольшие стояли. Те же писцы древние свидетельствуют, что при впадении реки Охты в Неву издревле стоял новгородской посёлок Невское Устье. Имелась в нём пристань, шёл бойкий торг. Позднее на его месте городок Ниен вырос. На него-то в первую очередь и зарились шведы. Тут-то и остановил свои корабли маршал Торкель. Русских с берега реки согнал и основал новую крепость — Ландскрону, что в переводе значило «Венец земли».

Может быть, и «венец», только земля-то эта была для шведского маршала чужой. И хотя возвёл он вокруг крепости высокие стены, соорудил восемь башен с бойницами, год спустя сын Александра Невского Андрей пришёл сюда с новгородским войском, крепость взял и даже холм, на котором она стояла, срыли, а на самой границе Ижорской земли на берегу Ладоги основали новгородцы свою крепость — Орешек.

Местность по берегам Невы до самого Финского залива с того времени стала значиться «присудом» Орешка и составила два погоста: Спасский да Городенский.

Жили тут русские люди, карелы, финские племена. Многие острова порою по два названия сразу носили. Самый большой из них — тот, на котором стоят сейчас дома Петроградской стороны, — по-фински назывался «Койвисаари», что означало «Берёзовый остров». Русских же людей он больше удивлял дубами, которые тут росли. (Один из них до сих пор растёт на Крестовском острове под именем «дуба Петра I»). Посему остров этот русские стали величать Фоминым (тоже от испорченного финского слова «тамминем» — «дубовый»). На «Фомени», как ещё называли остров новгородцы, стояла деревня в 37 дворов, жил великокняжеский тиун (приказчик). Крестьяне тут выращивали рожь, ячмень, овёс, разводили скот. На Васильеве острове (который финны называли по-своему «Хирвисаари», что значило «Лосиный остров») жили «великого князя рыбные ловцы». В тех же писцовых книгах 1500 года говорилось, что имеется в устье Невы 410 деревень, более тысячи дворов, живут в них полторы тысячи человек.

После присоединения Новгорода к Московскому княжеству в 1478 году земли эти тоже вошли в состав Московского государства. Но покоя от этого не приобрели. На Москву тогда много врагов шло. Во время Ливонской войны, летом 1570 года, шведы снова опустошили невские берега, а по Столбовскому миру 1617 года и совсем закрепили за собой эти древние новгородские земли. Стали уходить отсюда русские и карелы: к своим, в Московское государство.

А шведы строились, укреплялись. На месте древнего города Ниена командующий шведским войском Якоб Делагарди предложил возвести новую крепость, и в 1611 году здесь уже находилось укрепление с полутысячным войском. Новую крепость назвали Ниеншанц и окружили бастионами.

Рядом с крепостью вырос город. Были в нём пильные заводы, торговые площади, бойня, склады, ратуша, строились корабли. Швартовались к его причалам и корабли с русскими товарами: льном, пенькой, салом, собольими да куньими мехами... Не все русские суда разгружались у Ниеншанца, иные и дальше плыли: в польский Гданьск, в шведский Стекольный (так наши предки город Стокгольм величали), а то и до самого Рима!..

Но это только отдельные ладьи да шитики. А государству Московскому выход к морю был закрыт. Конечно, не могло оно смириться с тем, что на его землях чужаки сидят, реку Неву на свой замок заперли. Потому весной 1703 года и приплыли к стенам Ниеншанца иные корабли, совсем не торговые. Царь Пётр I со своим войском пришёл.

Только что был отвоёван Орешек. Десяносто два года владели им шведы.

Крепость Ниеншанц встретила царя Петра высокими, толстыми стенами, тяжёлыми орудиями на валах, войском в шестьсот человек.

Русские пришли с большими силами. Шестнадцать тысяч человек вёл к Ниеншанцу фельдмаршал Б. П. Шереметев. Только в разведку послал он двухтысячный отряд. Тот свою задачу выполнил: к стенам крепости пришёл, неприятельскую заставу сбил, занял место у внешнего вала. 26 апреля из Шлиссельбурга прибыл с караваном барок и царь Пётр, привёз 16 трехпудовых мортир, 48 тяжёлых пушек, бомбы, фашины... Началась осада.

30 апреля в Ниеншанц послали парламентариев: предложили крепости сдаться. Шведы ответили отказом.

И тогда заговорили пушки. Всю ночь над крепостью гремело и сверкало, а на рассвете русские увидели белый флаг: Ниеншанц пал. Но победа была не окончательной: в море стояла шведская эскадра, в карельских лесах ждали удобного для нападения часа немалые силы шведского генерала Крониорта. Отвоёванные берега нужно было «с поспешанием» укреплять и оберегать.

...До наших дней сохранился любопытный документ: «Журнал, или Подённая записка... Петра Великого...» Уже не простые писцы, а приближённые царя писали в том «Журнале»:

«По взятии Канец (Ниеншанц наши предки называли ещё и так.— В. О.) отправлен был военный совет, тот ли шанец крепить или иное место искать (понеже оный мал, далеко от моря и место не гораздо крепко от натуры), в котором положено искать нового места, а по нескольких дней найдено к тому удобное место — остров, который назывался Луст-Эланд (т. е. Весёлый остров), где в 16 день мая (в неделю пятидесятницы) крепость заложена и именована Санктпите-бурх...»

Тут, очевидно, всё точно, ибо «Журнал» редактировал сам царь.

Заметим только, что выбранный остров имел ещё и другое имя. Финны называли его «Енисаари», что означает «Заячий». Откуда же «Весёлый»? Есть сведения, что незадолго до тех лет, о которых мы ведём рассказ, шведский король подарил его одному из своих приближённых. Тот решил устроить здесь для себя летнюю дачу с увеселительным садом. Выселил с островка несколько крестьянских семей, поставил свою мызу, начал сажать сад и дал островку имя «Луст-Эланд» или «Лустгольм», что означало «увеселительный остров». Но осенью хлынуло наводнение и смыло шведскую мызу. Рассерженный швед тут же переименовал свой «Лустгольм» в «Тейфельсгольм», что означало уже «чёртов остров».

Но это не главное. Главное заключалось в том, что 16 мая 1703 года по старому стилю на острове была заложена крепость, что-бы не пропускать в Неву никакие вражеские корабли.

За постройкой крепости царь следил лично и строго. Распорядился, чтобы возведением каждого из шести бастионов ведал (и за то ответ держал!) один из его приближённых. Бастионы и по сей день несут их имена: А. Д. Меншикова, Г. И. Головкина, Н. М. Зотова, Ю. Ю. Трубецкого, К. А. Нарышкина. Один в честь царя был Государевым.

Имена царских сподвижников сохранились. Не сохранилось ни одного имени строителя — тех, кто насыпал валы крепостные, рыл канавы, строил бараки и казармы. А было их много!..

Первыми на строительство крепости были брошены солдаты генерала Репнина. Вскоре к ним присоединились казаки, татары, калмыки, пленные шведы. 1 марта 1704 года последовал указ, по которому 85 мест российских обязаны были поставить на строительство 40 тысяч работных людей.

Работать приходилось чуть ли не по пояс в воде, землю выбирать руками, носить в подолах своих рубах. Адмирал граф Апраксин в одном из своих рапортов удивлялся: «Зело ужасает меня включённая роспись о умерших и больных солдатах, и отчего такой упадок учинился, не можем рассудить».

С постройкою крепости действительно торопились: шведы были рядом, на суше и на море. Есть сведения, что к началу октября того

же 1703 года основные работы были уже закончены, а 4 апреля 1704 года «на государевом раскате, в великий четверток, зажётся маячный фонарь», — стало быть, не только земляные валы к тому времени были насыпаны, но и пушки на них поставлены, и маяк зажжён: дескать, плывите гости, купцы заморские, в новый град Петров!

Царь Петр приказал: купцу иноземному, что первым в Неву придёт, выдать в награду 50 золотых!

Но не дремал и шведский адмирал Нумерс. Испугался адмирал, что русские тех голландцев захватят, корабли отберут и на его эскадру кинутся. Не пустил Нумерс купцов в Неву.

А через два месяца один из голландцев, шкипер Выбес, всё-таки в Неву проскочил, привел к её берегам свой корабль, гружённый солью и вином. За что и получил учреждённую награду.

Крепость же продолжала строиться.

Летом над Невою день длинен, зимою короток. Только не солнышко работами в крепости командовало — распоряжались барабан да пушка.

Светлейший князь Меншиков приказывал коменданту крепости Брюсу:

«1. Велеть ходить на работу, как после полуночи 4 часа ударит или как из пушки выстрелят, а работать им до восьмого часа, а с восьми, ударив в барабан, велеть им отдыхать полчаса, не ходя в свои таборы.

2. После того работать им до 11 часов и как ударит, чтоб шли с работы и отдыхали два часа.

3. Как после полудня ударит, тогда идти им на работу, взяв с собою хлеба, и работать велеть до 4 часов после полудня, а в 4 часа ударит, велеть им отдыхать полчаса с барабанным о том боем.

4. После того идти им на работу и быть на той работе, покамест из пушки выстрелено не будет».

Бегал по крепости от вала к валу, взбирался на кучи камней, перепрыгивал через канавы «полковник от фортеции» Доменико Трезини — первый архитектор нашего города. Был он итальянцем, но родился в Швейцарии, а до приезда в Россию строил дворцы датско-

му королю. Там-то и заприметил его русский посол Измайлов, соблазнился перебраться в новый строящийся город, к царю Петру.

В Санктпетербурх Трезини приехал в 1706 году и почти тридцать лет отдал строительству крепости: из земляной перестраивал её в каменную, строил казарменные домики, склады...

Посреди крепости сквозной канал прорыли: в случае осады давал бы он осаждённому воду, а в случае наводнения защищал бы бастионы, пропуская через себя лишние волны.

С острова на Петербургскую сторону перекинули мост. Поначалу он, как и все крепостные мосты, был подъёмным. Он и сейчас существует, этот Иоанновский мост,— прапрадедушка всем ленинградским мостам.

Позже, в 1731 и 1733 годах, построили для большего укрепления крепости два равелина: Иоанновский и Алексеевский. В крепостных стенах прорубили ворота. Первоначально их было четыре: Петровские, куда с моста попадали; Невские, выходившие прямо на реку; третьи ворота вели к Алексеевскому равелину, а четвёртые — Никольские — были прорезаны между Головкиным и Зотовским бастионами специально для вылазок, если враг нападёт с суши, с северной стороны.

Если сейчас встать под Петровскими воротами, то прежде всего толщина стен удивит — 19 метров! Над воротами царский орёл чёрные крылья распластал — он из свинца и весит побольше тонны!

Нападение шведов оставалось вполне возможным. Генерал Кропиорт стоял уже лагерем на реке Сестре. Не стал царь Пётр дожидаться, когда шведы на него нападут, — сам на них пошёл. 8 июля 1703 года драгунский полк под огнём неприятельских пушек переправился через реку Сестру. Следом за ним пошли и другие русские полки. Потеряв более тысячи человек, шведы отступили к Выборгу.

С этой победой решилась и судьба Ниеншанца. Шведы были отогнаны, новая крепость на Заячьем острове строилась вовсю, к чему же было держать старую шведскую? Пётр I повелел старые стены Ниеншанца разрушить, а в память славной победы посадить четыре самых высоких мачтовых дерева. До наших дней эти деревья не сохранились, дожил лишь памятник, поставленный на могиле русских солдат, павших при взятии Ниеншанца.

Теперь стало возможным заняться крепостными стенами всерьёз: укрепить земляные валы камнем. Под новые стены вбили в болотистую землю около сорока тысяч хорошо просмоленных свай. Стены из кирпича и камня стали возводить не враз: один земляной вал снесут, каменным заменят — за другой вал берутся. Бастионы и лежащие между ними куртины поднимали на высоту до 12 метров, наружные стены выкладывали в 8 метров толщины; отступя немного, ещё стену возводили — двухметровой толщины. Пространство между ними засыпали песком, землёй, щебнем. В стенах устраивались казематы с амбразурами для орудий, с помещениями для солдат гарнизона, со складами для боезапаса.

Осенью 1703 года газета «Ведомости» сообщала, что работают на строительстве крепости 20 тысяч подкопщиков. Десятки судов везли и везли туда брёвна, доски, камень, песок...

Крепость вырастала над Невой прочной, надёжной. Конечно, северные дожди и снега, непогода точили её каменные и особенно кирпичные «одежки», разрушали валы. Позже, уже в 70—80-х годах наружные стены на 700 метров длины были одеты в гранит, стали такими, какими мы их видим и сейчас.

Доменико Трезини немало бумаги исчеркал, вычерчивая план собора. И то сказать: государь желал видеть будущий храм похожим на корабли! Дескать, вышла Россия к морю — пускай плывёт! Пожелал ещё царь, чтобы выросла у этого корабля мачта.

Поползли вверх каменные стены колокольни, вызолачивались в огне медные листы, отливалась для верхушки шпиля фигура ангела, размером более человеческого роста.

«По крепости,— говорится в старой записи,— шло в 1719 году золочение 198-футового шпиля соборной башни, от подошвы имевший вышины 345 футов. Шпиц обит медными листами весом в 744 пуда 26 фунтов». Если древние футы перевести на наши единицы измерения, то высота колокольни от её основания составит 122,5 метра.

В августе 1720 года Пётр I уже мог взойти на неё, полюбоваться строящимся городом.

На колокольне установили часы с музыкой.

А громоотвода в те времена не было. Молния в 1756 году ударила в колокольню. Вообще от стихий мачта храма-корабля страдала частенько. В 1830 году сильная буря повредила фигуру ангела на шпиле. Встал вопрос: как чинить? Возводить строительные леса? На такую-то высоту?! Дороговато обойдётся... И тут объявился с письменной просьбою «Ярославской губернии казённый крестьянин кровельного цеха мастер» Пётр Телушкин. Обещал он крыло ангельское починить безо всяких лесов и помощников. Материалы просил казённые, а за труды свои никакой платы не требовал.

Был Телушкин крепышок крепышком: ростом невелик, а поднять мог до 13 пудов! Привязал он к поясу верёвку, конец её вокруг шпиля обернул, подтянул до нужной крепости и полез. Прямо по золочённому шпилю! Потихоньку поднимался на цыпочках, подтягивая верёвочную петлю. От напряжения немели пальцы, всё время готовые соскользнуть с фальцев обшивки, кровь сочилась из-под ногтей, но ярославец упрямо лез и лез...

Долез до самого яблока — шара, укреплённого на верхушке шпиля. Навис шар над Телушкиным, вроде как теннисный шарик над муравьём, — попробуй перелезть! В таких случаях мастеровых людей смекалка выручает — и Телушкина она выручила. Обмотал он шпиль у самого яблока другой верёвкой, сделал две петли, просунул в них ноги, откинулся — и повис. Лишь две петли да верёвка, зацепленная за пояс, держали Телушкина, а сам он висел горизонтально земле с кольцами верёвки в руке. Из такого-то неудобного положения умудрился ярославец забросить свободный конец верёвки вокруг креста — ветер тот конец прямо ему в руки вернул. Есть свидетельство современника, видевшего всё это своими глазами. Ну, а дальше было уже просто: забрался по лесенке Телушкин на шар-яблоко и приступил к ремонту. Через шесть недель работа была закончена.

Петропавловский собор строили долго. 27 января 1725 года умер Пётр I. Гроб царя поставили в специально построенной деревянной часовне внутри недостроенного храма. Так он и стоял, покуда в Москве по проекту зодчего Зарудного мастерами Трифоном Ивановым да Иваном Телегой резался деревянный иконостас красоты необыкновенной. Царя — основателя города похоронили под плитами пола только в 1731 году, а два года спустя закончилось и всё строительство храма-корабля.

Миновал ещё год, и рядом с храмом-кораблём появился домик настоящего корабля — знаменитого ботика Петра I, прозванного «Де-

душкой русского флота». Рядом с собором построили для него одноэтажный дом с колоннадкой, поставили на крыше фигуру женщины с веслом. Так и стоят они рядом: храм-корабль, мачта-колокольня и домик настоящего корабля.

В 1721 году последовал высочайший указ о делании золотой монеты в Санкт-Петербургской крепости, и возле Трубецкого бастиона началось строительство Монетного двора. Два года спустя на том же Трубецком бастионе замахала крыльями мельница. За ней появились другие: комендант Бахметьев молот муку для гарнизона. Нашли себе приют в крепости не только воинские цейхгаузы, но и соляные амбары, винные магазины...

Не довелось крепости принять бой, встретить врага грохотом орудий. Шведов Пётр I под Полтавой разбил, а в Финском заливе, защищая город от нападения с моря, встал Кронштадт. Началась у крепости другая история, грустная: готовилась она стать воином, а стала тюрьмой.

Ещё при Петре I в 1718 году появился в ней первый узник — царевич Алексей. Последними царскими узниками были перешедшие на сторону революции в феврале 1917 года солдаты Павловского полка. Между этими двумя датами и лежат двести лет истории тюрьмы.

От царского Зимнего дворца до царской Петропавловской тюрьмы — рукой подать. Только Нева их и отделяла друг от друга. И цари о царской тюрьме не забывали. Заточали сюда своих узников и поодиночке, и целыми партиями. В 1820 году царь Александр I бросил сюда свыше семисот солдат восставшего Семёновского полка, пять лет спустя царь Николай I заточил в казематы свыше двухсот офицеров и солдат, участвовавших в декабрьском восстании. В 1861 году казематы крепости приняли триста пятьдесят студентов.

Сколько одних только писателей извело крепостной плен! А. Н. Радищев, К. Ф. Рылеев, Ф. М. Достоевский, поэт М. Л. Михайлов, Н. В. Шелгунов, А. М. Горький... Томились в казематах борцы-народовольцы: А. И. Желябов, С. Л. Перовская, Н. И. Кибальчич, А. Д. Михайлов, Н. А. Морозов, Н. В. Клеточников, В. Н. Фигнер, ожидал приговора суда брат В. И. Ленина А. И. Ульянов...

Страшной была эта тюрьма для узников, страшной и для царей: до того они боялись уже арестованных борцов за свободу, что даже имена их запрещалось произносить. Попавший в тюрьму Петропавловской крепости арестант лишался имени и значился под номером камеры, в которой сидел. Переводили его в другую камеру — рядом с первым номером писали второй. Более четверти века томился здесь товарищ и сподвижник А. И. Герцена Михаил Бейдеман, а когда умер в тюремном лазарете, поименован был: «государственный преступник № 14, 46, 35, 40, 66, 35, 17, 66, 18, 13, 35, 67, 13, 67, 15, 13, 27, 13—5»...

Стояли над Невой друг против друга дворец и крепость. Долгие годы крепость была тюрьмой, а дворец тюремщиком. До самого октября 1917 года, когда заговорили наконец веками молчавшие крепостные орудия. Солдаты крепостного гарнизона, перешедшие на сторону большевиков, выкатили эти орудия к Неве, поставили возле стен главного тюремного здания — Алексеевского рavelина — и, когда пришёл приказ из Смольного, ударили по Зимнему дворцу.

КВАРТИРА у нас большая: три комнаты и коридор. А семья небольшая: три человека и Мотя. Папу зовут Борис Борисович Дырочкин, и поэтому мы все стали Дырочкиными. Мама любит рассказывать, что раньше она была Кривошеина и папа, когда отдавал ей сердце и руку и уговаривал стать моей мамой, то он будто бы готов был взять её фамилию. А мама сказала: «Дырочкин не хуже Кривошеина». И отдала папе руку. И он её руку пожал. И им стало весело. А когда нас стало трое, то они частенько вспоминали эту историю и веселились ещё больше.

Живём мы в огромном доме на двенадцатом, последнем этаже. Перед нашими окнами величаво, как сказано в одном

стихотворении, течёт Нева. А на другом берегу в солнечные дни вспыхивает золотой Смольный. Свой двенадцатый я люблю больше всего из-за лифта: Мишка Фешин от зависти лопается, когда я в лифт залезаю. Его квартира на первом этаже, и родители ему запрещают на лифте кататься. А я в лифте каждый день катаюсь и Мотья тоже.

Мотя — скайтерьер, порода очень редкая. Её бабушка живёт в Чехословакии, а мама, сестра и братья в Польше, так что родственники у неё за границей. Роста Мотя небольшого, двадцать пять сантиметров, но если считать в длину от хвоста до кончика носа — метр. Голова у Мотьки квадратная — кирпичом. По научным книгам,

скайтерьер — собака охотничья. С ней охотиться можно на лис и выдр. Пока у меня ружья нет, я Мотьку мячиком тренирую. Брошу мячик и кричу:

— Мотя! Выдра!

Если у Мотьки хорошее настроение, она охотно за мячиком бежит, а если — плохое, то ляжет у двери и рычит, не даёт мне двинуться. Приходится мне тогда уроки садиться делать или стихи писать. Сколько я в такие трудные минуты стихов написал! Привожу одно:

**Мотька выглядит чёрным
вороном,
если издали посмотреть.
Мы тут ходим боком, боком,
только б не задеть.
...Бежит, язык мотается,
вперёд — назад,
а уши в разных положениях
стоят.**

По возрасту мы с Мотькой чуть ли не ровесники. Когда мы гуляем и люди спрашивают, сколько мне исполнилось, то обязательно удивляются — какой я маленький, но если узнают про Мотю, что ей на три года меньше, чем мне, — ахают: какая она, оказывается, уже старая. Теперь я отвечаю, что мы с ней почти одногодки, и все улыбаются.

У нас в семье у всех есть обязанности. Папа утрами, например, спускается за газетами в ящик. Я вывожу Мотьку. Мама — заваривает чай, жарит мясо, накрывает на стол.

...Раньше, когда папа служил в авиации, мама не давала ему никаких хозяйственных поручений, да и не было у него

времени заниматься домашним хозяйством. Но после демобилизации мама решила понемногу приучать папу к домашней жизни, а это означало — иногда посылать его в магазин.

Например, мама ему как-то сказала:

— Сходи, Боря, в продуктовый магазин, купи колбасы любительской и сахарный песок.

Папа собрался с удовольствием, даже честь отдал:

— Слушаю, — сказал ей, — товарищ генерал!

Выбил он чек в кассе и пошёл к продавцу, а там очередь. Впереди ветхая старушечка оказалась. И вот эта старушечка берёт и берёт продукты, накладывает их в мешок, а папа никак колбасу и сахар получить не может. Вот он и стал от нечего делать крутить чек в руках. Вертел-вертел, пока цифры не стёрлись, а когда бабушка стала поднимать свою торбочку и, покачиваясь, пошла из магазина, папа бросился за ней следом и помог пронести ей тяжести до самого дома. Вернулся. И предъявил свой истерзанный чек продавщице.

— Что это? — удивилась продавщица.

— Чек. — И папа назвал продукты, за которые заплатил.

— Нет, — покачала головой продавщица, — чек — это денежный документ, а вы мне подаёте... макулатуру.

Пришлось папе снова платить. Домой он пришёл расстроенный. Отдал маме продукты и заявил категорически,

чтобы мама освободила его от такой работы.

— В воздухе не было ни магазинов, ни чеков, — сказал папа. — Никто не просил меня стоять в очереди.

И верно. Мой папа, Борис Борисович Дырочкин, как я говорил, был до недавнего времени военным лётчиком. Летал он на истребителях и достигал такой скорости, что обгонял звук. В дивизии, где мы служили, папу называли: воздушный сокол, ас, мастер высшего пилотажа. К самолёту папа шёл как на праздник, и чем труднее предстоял у него полёт, тем лучше и веселее он себя чувствовал, тем счастливее возвращался домой. Придёт с трудного полёта, глаза горят, поцелует меня и маму, потрепет Мотьку, скажет что-то забавное.

Пока папа ест, мама сидит напротив и смотрит на него. А он доест и тоже смотреть на

неё начинает, а когда я окажусь рядом, то и на меня смотрит. Так мы сидим за столом всей семьёй и друг на друга смотрим, никаких вопросов не задаём. О своих боевых успехах папа никогда не рассказывал — это его друзья говорили. Мама бледнела, когда они расписывали папин «штопор», или папину «петлю», или папину «бочку».

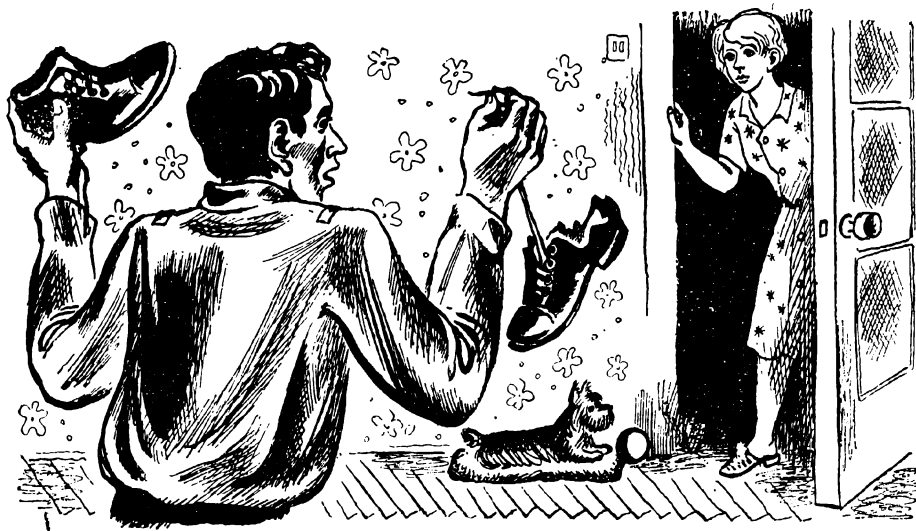
— Ты уже не мальчик, Боря, — говорила мама. — Зачем тебе «штопор»?

А он:

— Я, Олечка, в небе себя мальчиком чувствую, там у меня возраста нет.

Когда папа уходил в запас, вся его боевая часть была опечалена. Приехал главный генерал. Выстроил личный состав. Главный генерал подошёл к папе и крепко его обнял.

— Спасибо, — сказал генерал, — что вы так замечательно служили Родине.

Потом генерал снял со своей руки часы и надел на папину руку. И проводы были грандиозными! Весь дом участвовал. Пять этажей. Народу пришло видимо-невидимо. Папа ходил по этажам и прощался. И мама прощалась. И я. И Мотя.

Приехали мы в Ленинград, поселились в новую квартиру, а утром следующего дня папа проснулся и стал нервничать. Как-то странно сделалось, что вдруг не на чем ему летать.

— Ничего,—утешался папа.—Походим по театрам, по музеям и загородным дворцам, а потом будем думать, что дальше. Все же привыкают...

— Лучше бы тебе сразу на работу устраиваться,—уговаривала его мама.—Ты электронщик, с какими сложными приборами дело имел!..

— Нет,—задумывался папа.—Работу, как и человека, нужно любить. Не существует для меня ничего более высокого, чем реактивная авиация, чем мои боевые товарищи. Не торопи меня, Оля. Я однолюб. Не требуй от меня быстрых решений.

И мама не требовала. Целый месяц они по театрам ходили, все выставки и дворцы обегали, пока не захотелось им посидеть дома. В конце месяца мама пошла в нашу районную поликлинику, и её взяли детским участковым врачом.

А папа?

Его почему-то пригласили на фабрику... электрических утюгов начальником контроля.

Утром папа пошёл на фабрику хмурым. А днём мы с

Мотькой увидели его на бульваре. Стоял он в глубокой задумчивости, повернув голову ухом в небо. Я ещё подумал, что папа слушает гул пролетающего самолёта. И тут папа резко повернулся и быстрым шагом пошёл назад.

— Страдает наш папа, Мотя,—грустно сказал я.—Мучается. Трудно ему привыкать к новой жизни.

А папа всё дальше и дальше отходил от нас—мы с Мотей поняли: он шёл на фабрику увольняться, так и не поступив на работу.

...В субботу всей семьёй мы поехали на Невский проспект и встретили папиного товарища по лётной части инженер-майора Решетилова, теперь такого же пенсионера. И что удивительно, был этот инженер-майор Решетилов доволен жизнью, даже светился от счастья. И ещё что поразило всех—майор так хорошо выглядел в гражданской одежде, что никто никогда бы не догадался, что ещё недавно этот майор был майором.

— Борис! Оля!—радовался Решетилов.—Я и не знал, что вы в Ленинграде! Как вы живёте? И почему, Боря, у тебя такой грустный вид?!

— Не могу, Леонид, привыкнуть к своему новому положению пенсионера,—тяжело вздохнул папа.—Нет для меня пока любимой работы. Скучаю я по авиации.

— Ерунда это!—закричал майор Решетилов.—И у меня это было. И у других. Но все

мы с этим справились. Я вот нашёл для себя достойное увлечение, с радостью занимаюсь творчеством.

— Чем?

— Творчеством! — повторил майор Решетилов с гордостью. — Я стал, Боря, кинолюбителем. Да, да, — заторопился он, заметив грустное недоумение в папиных глазах, — у нас существует общество. Собираемся, спорим, показываем друг другу снятые кадры. А фильмы наши идут на конкурс. Поверь, Боря, если ты окажешься человеком талантливым, то ждёт тебя великая слава! А ты, я уверен, именно талантливый человек; я же помню, какой ты был классный лётчик. А уж если человек там, — он показал вверх, — отличался, то и тут, — он показал вбок, — себя покажет.

— Да я ни разу не снимал кино, — начал поддаваться папа.

— А ты попробуй, — настаивал Решетилов. — Пошли в магазин, купим кинокамеру, а в субботу я тебя представлю членам нашего кино клуба.

Мама и папа, и сам Решетилов стали подсчитывать имеющиеся деньги, и их оказалось вроде бы достаточно для киноаппарата.

Все двинулись в переулок, потом на узкую улицу, потом на широкую, а там оказался большой магазин, и Решетилов издали закричал высокой и худой продавщице, что он ведёт к ней замечательного покупателя, бывшего подполковни-

ка Дырочкина, талантливого человека.

Потом Решетилов носился по магазину, прицеливался в продавщицу, которую, оказывается, звали Валечкой, давал иногда поглядеть в глазок киноаппарата папе и маме.

Но больше всего в магазине досталось Мотьке. Её сажали то на прилавок, то на колени к Валечке, свистели, чтобы она ставила уши, как овчарка, ждали, когда она начнёт удивляться, перекачивать голову с уха на ухо.

Валечка почёсывала Мотьке подбородок, а Решетилов заходил с разных сторон, падал на колени и словно расстреливал их мелкими очередями из киноаппарата.

Из магазина все вышли увешанные покупками.

ХОТЯ справедливее было бы вначале всё рассказать про маму, но я попробую немного про Мотю.

Порода у Мотьки глубоко аристократическая. В Англии в далёкие времена ни один порядочный лорд не выходил на улицу без такой собаки. Говорят, это их, лордов, украшало и подчёркивало лордское происхождение.

На английском языке скай означает голубой или небесный. И если в пасмурные дни Мотька кажется чёрно-бурой — седина сочетается у неё с чёрной шерстью, — то на солнце Мотька вся переливается и искрится, кажется голубой.

А для слова небесный у нас есть другое объяснение.

Вот уже много лет мой папа дружит с польскими лётчиками, и особенно с полковником польской авиации паном Адамом Грачевским, человеком большой души. Понял я это сразу, как только увидел пана Адама в нашей квартире. Был он такой огромный, что в какую бы сторону я ни смотрел, всюду видел пана полковника с его широкой улыбкой. А когда пан Адам обнял моего папу, то я чуточку испугался, потому что папа исчез в его объятиях.

И тут все быстро заговорили по-польски и по-русски, и по лицу пана полковника стало ясно, что он очень счастлив видеть всех нас. Потом они смеялись, похлопывали друг друга по плечам, снова что-то рассказывали и были этим разговором чрезвычайно довольны.

А через несколько месяцев папа слетал в Польшу к пану Адаму. Пан Грачевский не уходил от папы и всё время сожалел, что мама осталась дома, не прилетела погостить. И вот, когда папа собрался на Родину и с ним стали прощаться польские лётчики, то вдруг на аэродроме появился пан Адам Грачевский, который не бежал, а скорее летел в папину сторону. В руках у пана полковника была корзина.

— Пан Дырочкин! — запыхавшись, говорил пан Грачевский. — Мы с женой Марьей долго думали, какой подарок можно сделать вашей жене пани Ольге и вашему сыну Санечке...

И пан полковник стал раскачивать корзину, и там что-то запищало и завякало.

— Дело в том, — продолжал пан Грачевский, — что недавно моя любимая собака Люсьенка принесла нам девять замечательных щенятков-скайчиков. Все они неопишемого ума и удивительной красоты и прекрасного происхождения.

Папа побледнел. Но полковник попросил папу не падать в обморок, а поглядеть в корзину.

— Конечно, — поторопился объяснить пан полковник, — с собой у меня всего один скай, но, поверьте, из самых замечательных. А к щенку я прикладываю собачий паспорт, куда уже записана ваша фамилия, а поэтому считайте, пан подполковник Дырочкин, его равноправным членом вашей семьи.

И польские лётчики рассмеялись, так им понравилась шутка пана полковника Адама Грачевского.

— А как же его назвать? — поинтересовался папа.

— Как хотите, — сказал пан полковник, — но только на букву «ж». Всё дело в том, что предыдущие дети нашей Люсьенки были на букву «е», значит, новые должны называться следующей буквой алфавита.

Домой папа явился с корзиной, чем чрезвычайно удивил маму. Он молча поставил корзину на стол, и корзина тут же заплакала и заурчала.

— Что это, Боря? — с ужасом спросила мама.

Папа сунул в корзину руку и достал оттуда маленький чёрный комочек.

— У нас же маленький сын! Как ты мог привезти такую животину?

— Но, говорят, без собаки ребёнок может вырасти эгоистом, — сказал папа. — В Польше все так считают.

Спорить было поздно, поэтому мама достала блюдце, налила молока и поставила рядом с блюдцем щенка.

— Надо бы ему придумать имя, — сказал папа и тут же объяснил, на какую букву им думать.

— Жучка! — воскликнула мама.

— Фу! — Папа был возмущён. — Собака лордской породы, а имя, как у дворняжки.

Тем временем щенок лёг в молоко и, не сходя с места, работал языком.

— Плохо, что собака сидит

в молоке, — заволновалась мама. — Негигиенично.

И мама стала вынимать псинку из миски, но псинка стала цепляться когтями, молоко расплескалось.

— Жмота! — сказала мама. — Жуткая жадина!

— Идея! — воскликнул папа. — Жмотика, вот как мы её назовём!

— Жмотика?! — удивилась мама. — А как же короче?

— Мотя, — сразу же предложил папа. — Редкое, сочное имя. — И он тут же позвал псинку: — Мотенька! Мотенька! Мотя!..

ТАК ВСЁ завершилось. Мотья стала расти со мной вместе, и если покупали молоко мне, то обязательно отливали Моте. Нас не разделяли. Мама не хотела, чтобы я рос эгоистом.

Правда, сложности были. Как только у Мотьки начали прорезаться зубы и зачесались дёсны, она принялась подгрызать углы полированного шкафа. А однажды случилось такое, что папа чуть из-за Мотьки не опоздал на боевое задание.

Утром папа поднялся, когда все спали, пощипал по щекам бритвой, поел и пошёл надевать ботинки. И ужас! Левый ботинок укоротился настолько, что папа решил — что полуботинок.

— Она съела военную обувь! — закричал папа, забыв, что мы ещё не проснулись.

— Господи! — вскочила мама. — Совсем распустили соба-

ку! Скоро она подожжёт квартиру!

Папа был вне себя. Он бросился к Мотьке, чтобы сурово наказать псинку, но мама неожиданно закрыла её своей грудью.

— Не тронь ребёнка! У неё чешутся зубы!

— А у меня руки! — зарычал папа.

Но мама была непреклонна. Детей она не могла давать в обиду. Какой же иначе она была бы детский доктор?!

«У каждого человека должен быть свой участок», — так говорит мама. Другими словами, то место, где бы человек чувствовал себя хозяином, где бы другим без него не обойтись.

Я пока такого участка не имею, разве что Мотькин пустырь, куда она без меня выходить не может.

А вот кто свой участок имеет, так это моя мама, она даже называется участковый врач. Если моя мама на работу не выйдет, то многим на её участке будет нехорошо. А папа, хотя он и боевой сокол, считает, что мама героическая женщина, если она согласилась взять участок в своём же доме.

— У тебя не будет ни дня, ни ночи, — предупреждал её папа. — К тебе люди в любое время за помощью пойдут...

Но мама была непреклонна.

— Я этого не хочу, Боря. Именно — я! И никто другой. Как в военном городке. Зато подумай: каждую семью, каждого ребёнка я буду знать. И

когда в ясли пойдёт, и когда в садик, и когда в школу.

И папа ничего не ответил, — по всему было видно, что мама права. Поднимается мама чуть свет, квартиру приберёт, завтрак приготовит, позвонит в регистратуру и обязательно поинтересуется: нет ли на её участке высокой температуры? Если есть — мама вначале к тяжёлому больному забежит, а уж тогда идёт в поликлинику и там принимает лёгких. Вечером мы собираемся все вместе. Я — на диване с книжкой, папа — у телевизора, Мотька — на ковре, мама — за столом с «историями болезни».

Сидим, занимаемся своими делами. Иногда мама сбегает на кухню — что-то у неё варится — и тут же назад. А Мотька даже головы не поднимет, разве поведёт ухом, покажет, что она мамино движение заметила. И вдруг... Сколько этих «вдруг» бывало в нашей жизни! — звонок в дверь. Папа повернётся в мамину сторону, — какая печаль в его глазах! Но поздно... Мама отодвинет стул, пойдёт в коридор как-то подчёркнуто спокойно. И начинается шёпот.

— Вы уж извините, Ольга Алексеевна, заболел Миша... Температура. Горит прямо, не могли бы вы взглянуть на мальчика...

— Конечно, конечно, — скажет мама.

— Я на работе разнервничался, в такую рань прибежал!

Папа буркнет:

— Ничего себе — «рань», по-

ловина двенадцатого! Люди спать ложатся...

А дело в том, что Мишкин дедушка администратор театра. Мама говорит, что дедушка Фешин человек хороший, но уже давно день перепутал с ночью — такая у него работа. Мишка говорит, что он дедушку почти не видит, им как-то не встретиться. Когда Мишка в школу идёт — дедушка спит. Мишка из школы — дедушка не проснулся. Мишка ложится спать, дедушка в театре. А дедушка Фешин пока в коридоре ждёт маму, с Мотькой общается.

— Извини, — говорит, — психика, я конфетку забыл.

Мотья слово «конфетка» хорошо знает.

Мама кричит из другой комнаты:

— Не нужно! Мотя конфеты не любит.

Наконец дверь захлопывается, и мы остаёмся одни. В квартире без мамы пусто. Папа выключает телевизор, смотреть не хочется. Ходит по комнатам, вздыхает. На улице дождь, с ветром. Что-то гудит за окном, жалуется. Асфальт поблескивает от воды. Покачивается ближайший фонарь от ветра. Кружок света ходит по асфальту — кто-то будто бы подметает темноту светящейся метлой: вжик-вжик.

— Саня, спишь? — это спрашивает папа.

Тихонечко залезаю под одеяло. Мы не говорим друг другу, что ждём маму. Под одеялом начинают приходить в голову стихи. Они мне нравятся.

Я повторяю их про себя, стараюсь запомнить.

Капли ночью капали.

Отстукивали, как по роялю.

Грустную песню пел рояль.

И всё же сумели капли сыграть.

А я лежал у окна.

И слушал, как пел рояль.

И ждал маму.

Я просыпаюсь от яркого дневного света в комнате. За столом мама, она просматривает мои тетрадки.

— Небрежно! — вздыхает она. — Буквы глядят в разные стороны. Грязно. Я думала, Саня, ты станешь отличником. А теперь...

И вдруг мама начинает говорить совсем о другом...

— Знаешь, когда, я была в твоём возрасте, шла война. Ленинград находился в блокаде. Фашисты стояли недалеко от нашего дома, и мы, конечно же, не занимались. А мне так хотелось научиться писать...

Я слушаю маму. Хорошо бы она рассказала про булочку из дуранды, но она, кажется, сегодня говорить об этом не собирается. Я знаю эту историю наизусть. Я сам могу рассказать её всем.

ИСТОРИЯ ПРО БУЛОЧКУ ИЗ ДУРАНДЫ

Тогда моей маме только исполнилось семь лет, а меня, говорят, ещё не было, хотя как это могло случиться — представить трудно. Фашисты стояли под Ленинградом. Они забрасывали город снарядами, требовали, чтобы ленинградцы

сдавались. Но ленинградцы и не думали сдаваться.

А в нашей квартире вот что было... Моя бабушка работала в госпитале врачом-хирургом. Говорят, у неё были золотые руки. Стоило бабушке прикоснуться к ранам, как раны наших солдат заживали. Нескольким раз бабушка получала ордена за боевые заслуги, и у нас есть портреты: бабушка с орденами, как генерал.

Однажды бабушка пришла домой, где её давно уже ждала моя мама и мамина старшая сестра тётя Надя.

— Девочки! — сказала бабушка. — На фронте всё тяжелее, и бойцы просят меня приехать. Вам придётся остаться одним дома.

Бабушка поцеловала маму, потом тётю Надю, взяла вещи и пошла к машинам, которые уже подъехали к дому. В машинах сидели солдаты и матросы.

— Бейте фашистов! — кричали девочки. — А о нас не беспокойтесь.

Так и остались девочки одни в большой квартире. Они постелили под письменным столом матрасик, так, казалось, спасаются они от бомбёжек. А Ленинград находился уже сотни дней в блокаде... Люди умирали от голода. В один прекрасный день пришёл к девочкам с фронта матрос и передал им, что наши войска собирают силы, чтобы разгромить и уничтожить фашистов.

— Мы должны победить, — сказал матрос. — Другого пути нету.

И он пошёл в город, передавать приветы другим детям.

А девочки в это время решили испечь для своей мамы лепёшки из дуранды. Это всё, что у них было. Что такое дуранда, я точно не знаю. Мама говорит, что очистки от зёрен. Если их размочить — есть можно. Но холодными они превращаются в камень. Девочки поджарили размоченную дуранду на сковородке и отдали два чёрных камушка-лепёшки матросу, чтобы он передал гостинец их маме, моей бабушке. Что же дальше? Матрос вошёл в походную лечебную палатку. А там моя бабушка перевязывала раненого комиссара. Матрос подождал, когда она закончит, и протянул ей гостинцы от дочек.

— Лепёшки из блокадного Ленинграда. Подарок от дочек нашего доктора, — пояснил матрос комиссару.

— Дайте мне, — попросил комиссар и долго разглядывал эти странные гостинцы. Губы комиссара сжались, глубокая складка пробежала по его переносице.

И тут началась артиллерийская канонада. Земля сотрясаясь. Все понимали: мы наконец переходим в наступление.

Вдруг комиссар появился перед войском.

— Друзья! — сказал комиссар. — Сейчас мы пойдём в наступление. Жизнь или смерть, другого пути нету!

Он разжал ладонь и показал две чёрные лепёшки:

— Эти камушки, два пирожка, спекли дочки нашего док-

тора в блокадном Ленинграде. Лепёшки из дуранды.

И комиссар положил одну лепёшку на камень и разбил её на мелкие крошки прикладом. И каждый матрос и солдат брали у него по крошке и ели.

— За Родину! — крикнул комиссар. — За девочек! За их счастье!

Странное дело! Силы прибывали у солдат и матросов. Их руки крепче сжимали винтовки. Враги стреляли из пулемётов. Вокруг рвались снаряды. Но войны шли вперёд. Никто

не падал. наших солдат и матросов кто-то словно заколдовал от смерти. Страх прошёл по фашистским окопам.

А наши войска шли вперёд. И там, где они проходили, начинала расти трава, на голой земле расцветали цветы, листья распускались на деревьях, весело щебетали птицы.

— Мир! Мир! — говорили освобождённые люди.

А бабушка отламывала крошки от второй лепёшки и давала нашему войску перед новыми боями. Но для себя бабушка забыла взять крошку. И под

Берлином фашистская пуля попала, говорят, ей в самое сердце.

ЗВОНОК давно прозвенел, а Галина Ивановна ещё не пришла из учительской. Мы с Мишкой Фешиным стали сверять задачки. Мишка говорит, что он задачки щёлкает как орехи. Я тоже щёлкаю. Но мне больше нравится чтение.

Захлопали крышки парт — вошла Галина Ивановна, оглядела колонки и сказала:

— Мне бы очень хотелось, чтобы ребята нашего класса имели общественные обязанности. Проведём маленькое собрание...

Галина Ивановна спросила:

— Кому поручим поливать цветы?

Захотели все. Я тоже поднял руку. Разве поливать цветы труднее, чем ходить с Мотькой? Особенно волновалась Удалова. Она даже с места вскочила. Галина Ивановна решила. Тогда Люська стала кричать, что цветы поливать её любимое дело. И Люська принялась объяснять классу, что она обязательно выучится на садовника, а если на садовника нельзя, то станет дворником. Но ребята закричали, что им тоже нравится поливать цветы. Больше всех горячился Мишка Фешин.

— Люська слабенькая, — убеждал он. — Ей и воды-то не принести. А я могу ведро одной ручкой.

Но Галина Ивановна сказала:

— Ведро нам и не нужно. Хватит стакана...

Потом мы приступили к выборам ответственных по гардеробу, по дежурству в буфете, по сбору макулатуры, по чистоте парт. Мишка стал заведующим классной библиотекой. Слово «заведующий» его обрадовало. Он сказал, что принесёт из дома книги протектр. Галина Ивановна вмешалась.

— Нет, Миша, ты этого не делай. Книги у нас уже есть.

Я начал волноваться, что остался без должности, но Галина Ивановна объявила, что приступаем к выбору санитаров.

Мишка поднял руку.

— Кого ты предлагаешь, Фешин? — спросила Галина Ивановна.

— Дырочкина! — сказал Мишка.

Галина Ивановна Мишку похвалила:

— А ты, оказывается, хороший товарищ, Миша. Ну что ж, — кивнула Галина Ивановна. — Я тоже не возражаю против Сани.

Пора было заниматься арифметикой. Галина Ивановна ходила вдоль колонок. И вдруг она задержалась над Люськиной тетрадкой.

— Что же ты, Люся, не пишешь? — спросила она удивлённо.

Люська подняла голову и вдруг заревела:

— У меня голова кружится! Мне плохо...

Я даже поднялся. Люська сидела на моей колонке. Я и не

думал, что от меня так быстро потребуется первая помощь.

Галина Ивановна обняла Люську, пощупала лоб.

— Не пойму, — сказала она. — Сходи-ка к медсестре, смеряй температуру... А Саня тебя проводит.

Я вышел к Люське и тоже пощупал её лоб. Он был горячий. Потом я поискал пульс, но пульса не было.

— Ну, что же, — сказал я. — Придётся лечиться...

Медсестры в кабинете не оказалось. Люська заявила, что пойдёт домой. Я пошел за ней — не бросать же её больную.

День был ветреный. Сильно дуло. Я едва догнал Люську. Она очень спешила.

— Давай портфель, — сказал я, задыхаясь. — Тяжесть нельзя носить больному...

— Иди-ка ты, Саня, — неожиданно огрызнулась Люська.

Я обиделся, но потом подумал: это обычная нервность. Теперь я шёл следом. Возвращаться я не имел права. Мало ли что с ней могло случиться? Упадёт в обморок или еще чего-то...

Люська позвонила в свою квартиру, когда я вошёл в парадную.

— Уже из школы? — спросил женский голос.

Дверь на первом этаже хлопнулась. Я вздохнул. «Теперь можно не волноваться. А вечером придётся зайти, проводить... Такая уж у меня нагрузка...»

Дома шли съёмки. Решетлов ходил вокруг Мотьки с ки-

ноаппаратом. Он давно мечтал снять фильм «В мире животных». У окна сидела приятельница майора — Виталия Виталиевна Тредиаковская, а для меня тётя Таля, кинооператор и одновременно художественный руководитель. Иногда тётя Таля давала советы, говорила, откуда лучше «схватить» Мотьку.

И вдруг нашей Мотьке надоело «кино». И она принялась чесаться. Сначала она чесала у себя за ухом, потом шею, потом живот задней ногой. И тогда папа посоветовал Решетлову передохнуть. Мы-то знали, если Мотька зачесется, то это надолго.

Все расселились, решили обсудить план предстоящей работы.

— Ах, какой у вас, Боря, дома образцовый порядок, — заметила наконец тётя Таля. — И когда только Олечка успевает? Может, она не очень занята на работе?..

— Что вы! — вмешался я. — Занятее мамы не бывает...

Я неожиданно вспомнил, что назначен санитаром и мне пора бы сходить к Люське. Я взял йод из аптечки, бинты, градусник, баночку валидола и грелку. Потом нашёл чистую тетрадь в косую линейку, написал: «История болезни», а ниже — «Удалова Людмила». Положил в портфель, но подумал и дописал диагноз: «Головокружение на уроке».

Дверь открыл Люськин папа.

— Ты к кому, мальчик? — спросил папа.

— К Удаловой Людмиле. Я санитар. И пришёл ее проведать. И даже полечить, если нужно.

Брови у папы поднялись, на лбу возникли морщинки.

— Не понял,— сказал папа.— А кто заболел в вашем классе? Ты?

Я засмеялся:

— Заболела Люся. Ваша дочь. У неё началось головокружение на уроке, когда Галина Ивановна вызвала её решать задачу...

— Ага,— понял папа и отступил, дал пройти мне в квартиру.— Она задачу решила?

— Нет, конечно. Я же сказал, она заболела.

— Так, так,— сказал папа.

Что-то он долго думал.

— Так, так,— повторил он снова.— Спасибо, мальчик. Люси нет, но мы разберёмся...

— Пожалуйста, разберитесь,— попросил я.— А то я отвечаю за всю колонку. Можете дать ей лекарства. У меня есть валидол...

Совещание у нас в доме было в полном разгаре. Про Мотьку, видно, забыли — она спала на кухне.

— Неправильно мы работаем, товарищи,— говорила тётя Таля.— Снимаем случайные кадры. Нам нужен киносценарий, как всем настоящим киностудиям. Одна грандиозная мысль у меня есть. Нужно снять фильм про уличное движение.

— Я давно мечтаю снять та-

кую картину,— сразу же заявил майор.— Но сюжет?

— Это очень просто...— объявила она.— ...Жила-была девочка на нашей, предположим, улице. И у неё была красная шапочка...

— Это что-то новое,— сказал Решетилов.

— Но кроме того, у девочки была бабушка, с которой девочка выходила гулять.

Тётя Таля осмотрела присутствующих и многозначительно улыбнулась.

— ...И вот однажды бабушка села на скамейку и уснула. А Красная Шапочка принялась играть с мячиком... И так играла она, пока мячик не выкатился на дорогу... Девочка бросилась за ним... И тут...

— Серый Волк?! — ахнул Решетилов.

— Нет,— остановила его тётя Таля.— Волка нам не достать. Лучше — машина. Грузовик.

Наступило молчание.

— Ну вы и талантище, Таля! — воскликнул наконец Решетилов.— Фильм мы покажем в ГАИ, а потом начнём его крутить во всех школах. Пускай дети и бабушки учатся переходить дорогу, правда, Боря?

Все повернулись к папе. Мне показалось, что папа по-прежнему грустный. Что-то ему не нравилось в предложении тёти Тали. И всё же папа сказал:

— Если вам нравится этот сценарий, то я возражать не стану.

Рис. Л. Коломейцевой

(Продолжение следует)

ЯБЛОКО

Мальчишку звали Генкой. Он лежал в тени под деревом, которое называлось яблоней, и думал. С непривычки голова гудела. «Им, физикам, было хорошо. Вот Ньютон, — остро позавидовал Генка, — сидел под деревом, а с вершины яблоко по черепу — трах! От сотрясения у него мысли умные появились, законов напридумывал. Повезло человеку...»

Потянуло в сон. Мысли успокаивались, затихали, завершая бесполезный бег по чистым, без мусора знаниям, извилинам Генки. Он затих в блаженной дремоте. И вдруг...

Огромное, спелое яблоко, без единого червяка, сорвалось с трёхметровой высоты и угодило мальчишке по лбу. Генка вскочил. Увидел яблоко. На лбу набухла шишка. Она росла быстро, как у клоунов цирка.

«Эх, слишком сильно ударило, — подумал Генка. — Не везёт. Вместе с глупыми вылетели и умные мысли». Но яблоко он решил забрать — всё-таки роднит с Ньютоном. Генка нагнулся, как вдруг яблоко пропало:

— Извини! Приложите ко лбу платок, — пройдёт.

Генка застыл, удивился.

— Спокойнее, — уговаривало яблоко. — Да не волнуйся, глупый мальчишка.

А когда Генка дрожащими руками поднял его, яблоко принялось руководить:

— Положи меня в карман. Так. Эх, приятель, и повезло тебе! Будешь теперь первым учеником в школе.

— Первым?

Генка довольно заулыбался. Такая мысль ему ещё никогда в голову не приходила, но сразу понравилась.

— И без труда. Будешь только повторять за мной всё, что я скажу. Идёт?

— Ага.

— Не агакай.

И вдруг против своей воли Генка сказал:

— Хорошо. Спасибо тебе, глубокоуважаемое яблоко.

Так начался для Генки день триумфа. На первом же уроке он первый раз в жизни назвал подлежащее не сказуемым и не дополнением, а именно подлежащим. На вопросы отвечал лаконичными фразами из учебника. Получив первую за время обучения пятёрку, Генка бестолково сел на место. Класс зачарованно молчал. Генка нащупал в кармане яблоко.

— Что нужно сказать? — прошептало оно. — Где твоя благодарность?

Генка беспокойно заёрзал по парте.

— Учить тебя и учить, — с укором вздохнуло яблоко.

На математике Генка работал как факир: перемножал в уме четырёхзначные числа, не глядя на доску решал уравнения. И даже ответил на вопрос, который математик Юрий Петрович только собирался задать. После этого Юрий Петрович вообще не стал ничего спрашивать и посадил Генку со словами:

— Не пойму, Князев, гений ты или... хм... как бы полегче выразиться? Если гений, то почему скрывал такие удивительные способности?

Генка замялся, и яблоко подсказало:

— Спасибо, Юрий Петрович. Спасибо на добром слове.

Юрий Петрович засмутился:

— Извини, Князев. Я, видно, раньше в тебе ошибался.

Да, яблоко творило чудеса. Это единственное, что Генка смог понять сам. Ребята уже и поздравлять перестали. Зато пришли две записки. Первая — от второгодника хмурого Вовки Синицына: «Князев, возьми на буксир, помоги по математике. А то...» На записке был нарисован череп. Вторая — от старосты класса Нади Панюшкиной: «Князев! Мы решили поручить тебе возглавить третье, отстающее звено. Поможешь, кому надо».

Тут Генка заволновался.

— Не робей! — напомнило о себе яблоко. — Беру всё на себя.

Генка уважительно потрогал его в кармане.

На уроке английского яблоко стало куражиться. Ответ свой Генка начал с того, что, деревянно шлёпая губами, сообщил учительнице:

— Ай лав ю!

От удивления у англичанки соскочили с носа очки. А Генка тем временем непринуждённо исправился:

— Ай эм сори.

Извинился то есть. И у них завязался оживлённый разговор. Англичанка иногда запиналась и робко спрашивала:

— А как перевести это слово?

Так они проговорили весь урок. Под конец учительница сказала:

— Удивляюсь, Князев, у тебя такое отличное, чисто лондонское произношение.

Яблоко завозмущалось, запрыгало в кармане, и Генка сказал:

— Простите, не лондонское, а американское!

Англичанка удивилась, а ребята зашуткались:

— Он ещё и острит!

Да, это был первый день Генкиного триумфа. И последний. Выйдя после классного часа на улицу и шагая домой, Генка обнаружил, что проголодался. А тут ещё ароматный запах из кармана. Машинально Генка достал яблоко.

— Что ты собираешься делать? — заволновалось яблоко.

Не отвечая, Генка лизнул сочную кожуру.

— С ума сошёл! — не поверило яблоко. — Ведь ты без меня ничто. Круглый ноль!

Генка рассеянно улыбнулся, потёр яблоко в руках, поднёс ко рту. Яблоко попробовало спастись, и Генка послушно, в последний раз повторил:

— Я ни за что не буду есть тебя...

Но тут же раскрыл рот и... Как он и предполагал, яблоко оказалось вкусным. Растягивая удовольствие, Генка ел его до самого подъезда.

* * *

Через два дня Генке уже никто не предлагал стать звеньевым.

«Везёт этим, как их... Ньютонам», — лениво думает он перед тем как заснуть.

Рис. К. Дмитракова

Письмо из блокады

Два старых листка из тетрадки
В растрёпанной книжке Жюль Верна
Оставили вместо закладки,
А после забыли, наверно.
С годами листки пожелтели,
Но ожили буквы-крючочки.
Как первые травы в апреле,
На свет появляются строчки:
«Не волнуйтесь: мы живы-здоровы,
Хоть зима оказалась суровой.
Новый год мы без ёлки встречали.
На дежурство выходим ночами.
Дом осколками весь оцарапан.
Димка очень скучает без папы.
Вет стужей вокруг ледяною.
На Неву мы идём за водою.
Не волнуйтесь: мы живы-здоровы!»
Встревожишься тут не на шутку:
Читаю — и верите! — вижу
Чугунную печку-«буржуйку»
(Теперь здесь стоит телевизор).
Прожекторы по небу шарят,
Нависли над бездною стены.
Звучат во дворе не гитары,
А воют протяжно сирены.
«Не волнуйтесь: мы живы-здоровы!
Нынче выдали карточки снова.
Взяли мы пятилетнюю Лилу,
Дом у Лили на днях разбомбили.
Адский холод, а Лили рисует
Хлеб,

морковь,

землянику лесную,

Виноград,

апельсинную дольку...

Жаль, что письма идут очень долго.
Не волнуйтесь: мы живы-здоровы!»
А солнце весёлое в окна
Швыряется слитками света.
Письмо из блокады пришло к нам
И ждёт не дожётся ответа.
Звучит оно вызовом смерти
И добрым напуганием смелым:
— Ты сможешь, — спросите

у сердца, —

Вот так написать под обстрелом?

«НЕ ВОЛНУЙТЕСЬ: МЫ

ЖИВЫ-ЗДОРОВЫ...»

Рис. П. Вискова

РАХМАТ, ТЯШКЕНТ!

РАССКАЗ-БЫЛЬ

Стояла первая военная зима. Фашисты кольцом сжимали Ленинград. Трудно понять, не испытав, что пережили ленинградцы, взрослые и дети, в те дни. Их было девятьсот дней и ночей голода, холода, неистовых бомбёжек и обстрелов.

Во время одного из артобстрелов я был ранен в руку. По счастливой случайности оперировал меня известный хирург профессор Быстров. Однако рука начала сохнуть, а свищ, который образовался на месте почти зажившей раны, стал багроветь до черноты и источать кровавистую жидкость. После очередной перевязки профессор сказал:

— Для полного выздоровления придётся отправить тебя на Большую землю.

— Никуда я не поеду, — заартачился я, — скоро наши блокаду прорут, а меня куда-то...

Профессор снял пенсне, смешно задёргал бровями и вдруг прямо-таки закричал на меня:

— Ещё один! С меня довольно доморощенной героики... Он, видите ли, не поедет! Без руки хочешь остаться?! Да будет тебе известно, герой, что я подполковник медицинской службы и ты излечиваешься во вверенном мне госпитале... М-да! — Профессор дакнул дужки пенсне и перешёл на высокие ноты: — Не поеду! Да я и спрашивать тебя не стану...

Молоденькая медсестра, стоявшая за спиной доктора, смешно прыснула в кулак. В госпитале хорошо была известна доброта профессора и

никого не обманывали ни его строгий голос, ни сердитые слова. Перед самой эвакуацией он долго осматривал меня, а потом вытащил из стола кобуру из-под браунинга и протянул мне:

— Возьми, здесь пакет. В Ташкенте, когда заживёт рука, отнесёшь его по указанному в нём адресу. А кобура — тебе, на память. Записку, — доктор положил на кобуру конверт, — передашь на Большой земле. Это просьба отправить тебя санитарным поездом. Ну, а теперь — в дорогу. И помни, герой, ты — ленинградец, не пасуй ни перед какими трудностями.

Многие раненные не могли двинуться, и поэтому перегрузка из поезда в автобусы шла медленно. Ни стонов, ни жалоб не раздавалось с носилок. Все понимали: предстоит нелёгкий путь через Ладожское озеро. Где-то там, за густым туманом, была Большая земля. В этой сутолоке мы лоб в лоб столкнулись с таким же, как я, блокадным мальчишкой. В руках он держал разноцветный мяч. Я уже хотел похвастать своей настоящей кобурой, но тут послышался взволнованный женский голос:

— Сеня! Ну, куда ты запропастился?! Сейчас уезжаем.

Мальчишка, так ничего и не сказав, убежал.

Мне повезло. Меня посадили в кабину, рядом с шофёром, так что я мог разглядывать всё вокруг. Трёхосные ЗИСы осторожно, будто нащупывая дорогу, вытягивались на лёд. Скоро мы оказались в туманном маре. Хмуро и настороженно всматривался вперёд водитель. Видно, по опыту прежних поездок, шофёр не верил ни типине, ни красоте наступающего дня. Ехали медленно, но без остановок. Я успокоился и задремал. Очнувшись от снарядных разрывов. Они прозвучали так неожиданно, что я чуть не продырявил лбом ветровое стекло. Шофёр помотал головой и не сказал, а как-то выдал из зубов: «Гады! В раненых!..»

Рядом снова ухнуло, автобус окатило измелённым льдом и снегом. Шофёр надвинулся на руль и проианёс, как заклинание: «Ну, а вы-то что же, милые? Врежьте им. Я, Славка Запольский, вас прошу! Не за себя, за раненых... Ну же, врежьте!»

И словно в ответ на его мольбу заухла наша батарея. Капли пота падали со Славкиного лица безостановочно, будто под жарким солнцем таяла сосулька.

— Ну теперь проскочим... проскочим, Славка. Нельзя же... — И не договорил, словно споткнулся о флажок регулировщицы, возникшей перед капотом автобуса.

— Сигнали, душегубы... Теперь в объезд, будь он трижды неладен.

Машина стала медленно выворачивать из колеи. Снова совсем рядом ухнул взрыв. Меня подбросило, как на большом ухабе, толкнуло к двери, и я еле удержался, шмякнувшись лицом в боковое стекло. Но то, что я увидел в следующее мгновение, сковало меня, как ледяным панцирем: над измелённой пугой скакал разноцветный резиновый мячик. Рядом с мячиком выскочили обломки досок и кусок деревянного костыля...

На берегу наша поредевшая колонна двигалась по коридору из мороженных мясных туш, ящиков с макаронами, консервами, мешков с мукой и сахаром. От такого изобилия продуктов кружилась голова. Наконец-то остановка. Нам принесли миски с несколькими ложками подслащённой манной каши.

— Нельзя вам много сразу, и жирного нельзя, родные вы наши... Разве ж жалко! — убеждали разносчицы.

— Товарищи дорогие! Не ешьте шоколад! Нельзя!

— Можно, сестричка! Можно...

— Куда, брательник, путь держите?

— Говорили — в Ташкент.

— Ну, там тепла и сытости не занимать, так что живо на ноги поды-
мешься.

— Ох-ма, ног-то у меня и нет.

— Ты прости, брательник! Язык бы мне отрубить за те слова.

— А чего уж там. Теперь не приделаешь. Вы-то тут, без нас, дайте
им жару.

— Ничего! Дай срок, так попрём его, фашиста проклятого, узнает,
почём фунт русского лиха.

Началось распределение по вагонам.

— В третий... В шестой.

— Простите, не понял... это от профессора Быстрова? А где он сам?

— Его нет здесь. А письмо как раз об этом мальчике.

— Хорошо. В перевязочную, пусть подготовят. Следующий!

Очнулся я уже в стационарном вагоне. Поезд стоял на станции Буй. Женщины в платках подавали раненым кружки с молоком, масло, тёп-
лый хлеб. У коновязей лошади нежадно перебирали мягкими губами
сено. Отчего-то стало очень тепло и захотелось домой. Но госпиталь на
колёсах снова по-курьерски полетел в Ташкент, далёкий и незнакомый.

От Свердловска потянулись степи. Они казались без конца и края.
То в одном, то в другом уголке вагона крепили голоса раненых:

*...В той степи-и глухой
За-а-мер-зал ямщик...*

— Вот я и говорю, братцы, мерзавец-то он мерзавец, да ещё миро-
вых масштабов, а к тому же и дурак немалый.

— Это ты кого так честишь, земляк?

— Известно, Гитлера пучеглазого... Да разве такую махину кому
свернуть, такую силищу, как наша, одолеть? Да ни в жизнь!

А поезд шёл, не сбавляя хода, оглашая стуком колёс и гудками необозримый снежный покров.

— А что, служба, кто из вас бывал в Ташкенте? Мне довелось.

— Ну-у? Расскажи!

— Слов, братцы, нет — о Ташкенте песню петь надо.

— А ты и спой, в случае сорвёшься — мы подтянем.

— Ну, слушайте. Перво-наперво в Ташкенте теплынь такая, что и сравнить не с чем, словом — погода там райская.

— И сейчас?

— И сейчас не замёрзнешь, не перебивай.

— В самом деле, что пристал к человеку с первых слов! А ты жми, как тебя по имени-фамилии?

— Иваном Утехиным в роте числили.

— Давай, Ваня, утешай наш мир лежащий.

— А во-вторых, превеликая там красота, братцы. Сочная, что тебе на глаз, что на язык: урюк, кишмиш, персики, дыни. Раскусишь — тут тебе и сахар, и мёд с пряным запахом, так и тают — сласть, одним словом.

— Вот даёт! Сочинитель!

— А точно, не сочиняешь ли?

— Вот злыдни, сами не слушают и другим уши затыкают, да ты на них, Ваня, ноль внимания.

— И давай с фруктов-ягод на существенное переходи.

— Всею своя очередь, но сначала про чайхану. Сидишь в ней, а чайханщик с кок-чаем колдует. Потом, как угли распалится, несёт баранину в приправах. Вздёрнет кусочки на шампур, истомит на огне, вот тебе и шашлык, — пальцы проглотишь от вкусотищи. Съешь один-другой полуметровый шампурок, кок-чаем запьёшь — очень он здорово жажду утоляет. А то ещё узбекский плов: рис отборный, зёрнышко к зёрнышку, лук, морковь, душистые специи, баранина...

— И тоже?

— Что тоже?

— Ну, кок-чаем запивать?..

— Сестра, а сестра, дай ты ему какого ни на есть порошка, чтобы слушать не мешал.

Все поохотали над сладкоежкой. Не знаю, как в других вагонах, а в нашем раны тревожили по утрам, хотя и должно наоборот: вечерами их, как облетчающими примочками, затягивали смех и ташкентские побасенки. Проходил докторский осмотр, живо съедался ужин и тут же звучало:

— Не дремли, Утеха, знакомь с узбекской столицей.

Просьбу повторять не приходилось, и сокращали мы утомительный путь к тем расчудесным краям, где ждали нас пудовые виноградные кисти, самые красные на земном шаре маки, горные пики. У подножий тех гор можно жить припеваючи без шуб, шапок, валенок и ватных штанов круглый год. Там груша дюшес не уступает в размере пятисотваттной лампе; там благоухают сады, и звёзды на тёмном и нежном, как панбархат, небе горят ярче тысяч фрицевских ракет-подвесок. Мы ехали в земной рай, а наш неутомимый рассказчик Иван Утехин после ранения был незрячим, но не все знали об этом.

Степь освободилась от снега, побурела ещё на подъезде к узловой станции Арысь. Ровными частокольчиками стояли вдоль полотна суслики. Симпатичные грызуны перебирали поднятыми перед собой лапками.

— Прямо диво, а, Утеха? Правильно говорил — гляди, суслики, а и те с понятием, вроде ручонками нам машут, как дети малые.

Посмеялись раненые, поотбивали стальные колёса переводные стрелки на станциях, потухли в степи огоньки-светлячки. В долгожданный Ташкент прибыли ночью. Обещанной жары не чувствовалось. Из тамбуров тянулись струйки холодного воздуха. На умывании кто-то спросил:

— Да куда ли нас привезли, впору не веером, а тулупом запастись?

— Погоди с тулупом, вот солнышко чуть взойдёт, тогда и ахнешь.

— Коли так, можно и погодить.

Рассвет не торопился, небо прояснялось медленно. На нём, будто на фотографии в проявителе, выступали горы, окутанные белыми чалмами из снега. Откуда-то донёсся удивительно знакомый, но позабытый звонок... Да ведь это звонит вагоновожатый трамвая. А потом вдруг ударила музыка.

— Бра-а-тки, так, верно, это нас встречают?

Духовой оркестр шёл вдоль состава.

— Здорово!

— А ты как думал! Знай наших, вон и лозунг высветился: «Ташкент ждёт вас, герои!»

— Молодец, товарищ Утехин, не обманул!

Раненых разместили в госпитале, старинном здании за ажурной лентой оградой. Оно было расположено между бурлящим Алайским базаром и заводом парашютно-десантного оборудования, который шефствовал над госпиталем.

Свищ мой съёжился, обесцветился и вот-вот готов был отвалиться — прощай тогда горячие ванночки с раствором марганцовки, я буду свободен, как ветер, в добром городе Ташкенте. Правда, и сейчас никто не корил, если я исчезал из палаты на часок-другой, выполняя самые разные поручения раненых. Прежде всего я досконально освоил чудо из чудес — Алайский базар. Разноязычная толпа пробовала, торговалась, чем-то возмущалась и от чего-то приходила в восторг. Истошно йкали ишачки, нагруженные перемётными сумами, корзинами, туго набитыми мешками.

Кричали торговцы дынями:

— Па-а-д-хади, народ, свой ага-род, пала-вина сахар, пала-вина мь-ёд!

И пчак, острый как бритва, разваливал прошлогоднюю красномяску, которая размером не уступала дальнобойному снаряду, на серповидные ломти...

— Пробувай, мал-чик, пробувай... Ай, мала-дец!

— А вот лапошки, лапошки с кислым-пресным молоком!

— Шербет, шербет, сам бы пил, да болна многа!

Я бегал в центр города, в сквер Революции, пить шипучее кюрассо, у входа в парк имени Горького покупал раненым папиросы. А утренники в кукольном театре! На них перед представлением бесплатно давали кусок катламы с урючным повидлом. На парковых аллеях острили по-одесски, будто на Дерибасовской, мягко выговаривали московское «о». Гуляли там и мои земляки-ленинградцы, — кто знает, может, мне повесть, и я встречу знакомых? Сколько раз я был свидетелем объятий людей, которых горько и навсегда, казалось, разлучила война.

Ташкент никому не отказывал в приюте. Обласканные городом временные ташкентцы отдыхали, отвлекаясь от забот, дышали вкусным вечерним воздухом. Но сколько же можно занимать очень нужное для фронтовиков место в госпитале? Подправили, подлечили и давай, друг ситный, будем оформляться в детский дом, коль ты в Ташкенте круглый сирота.

Может быть, и мысли-то такой не было у седенького капитана медицинской службы в очках со шнурком, как на чеховском портрете, но мне

так казалось, и однажды я окончательно решился выполнить наказ профессора Быстрова. На Шахриязидской улице высоченные пирамидальные тополя набирали из утреннего неба прохладу, чтобы днём, в зной, по-царски оделить ею людей. Мощно, на весь город, взрывывали моторы на «двадцатке» — авиационном заводе, выпускающем и днём и ночью боевые самолёты. На курортном, открытом автобусике проехала команда испытателей парашютов. Майор Сырцов, начальник команды и старший шеф нашего отделения в госпитале, приветливо помахал мне рукой.

Я знал их всех, испытателей продукции завода парашютно-десантного оборудования. В глубоком тылу они ежедневно рисковали жизнью, но веселее их, кажется, никого не было на свете. Конечно, я спал и видел себя вместе с ними на аэродромном поле, и однажды майор Сырцов взял меня с собой. Я видел, как разбирали и вновь укладывали парашюты.

— Пошли? — сказал майор, и цепочка парашютистов двинулась к «Дугласу». Я ошалел от счастья, когда услышал сырцовские слова: «Ну, хочешь прокатиться, фронтовичок?»

Повторять ему не пришлось — я первым влетел по низенькой лестничке в дугласовский грузовой отсек. Ощущение от полёта осталось неопишуемое, я увидел Ташкент с высоты птичьего парения. Сады, сады, трубы «Ташсельмаша» и «двадцатки», других заводов, рукотворное Комсомольское озеро, облепленное многорядным ожерельем человеческих тел. К вокзалу от самого Янги-Юля в двадцатикилометровой полосе фруктовых кущ по блестящим стальным рельсам неслись один за другим эшелоны. Ташкент крепил оборону и исподволь готовил наступление...

Я шёл по Ташкенту и разговаривал с ним будто в предчувствии неизбежной разлуки. Немного постоял у зарешеченных окон фабрики «Гознак». За ними делались деньги. Их возили от станка к станку на тачках увесистыми пачками. Вот бы по какому-нибудь волшебству занять такую пачечку. А зачем? На всё, что мне нужно, денег хватает, а хранить мне их всё равно негде. Почему-то от этого открытия стало легко-легко, я пошёл дальше.

В «изумрудных банях», где лавки, стены, потолочные своды выложены красивым зелёным камнем, обрабатывали эвакуированных из Харькова. Выспрашивать у страдальцев-беженцев военные подробности я не стал, пусть отойдут под узбекским солнцем, и перешёл на противоположную сторону улицы к центральному входу в оперный театр. Около него вежливо поздоровался с молодым композитором Мухтаром Ашрафи. Его я знал, он приезжал к нам в госпиталь и дирижировал оркестром. Солировал на этих концертах выздоравливающий Коля Шичков из Горького. Ашрафи Мухтар говорил нам, что Коля не только хороший певец, но и талантливый поэт, и просил, чтобы мы повлияли на нашего артиста, ибо без его слов не мыслилась героическая оратория. Коля же рвался на фронт и обещал написать поэму только после войны. Всё это, конечно, не основание для короткого знакомства с известным композитором, но он сделал вид, что узнал меня:

— Салям, мальчик!

Я направился мимо парка Горького и радиокомитета на Первомайскую улицу. Будь что будет! Вот и калитка в нужный мне дом. Что-то ждёт меня в нём? От палисадника к входным дверям вела кирпичная дорожка. Я очутился у застеклённой террасы и вынужден был войти в неё под приглашающим взглядом пожилого, полного, но крепкого на вид человека. Он в одиночестве сидел перед закипающим самоваром. На столе в беспорядке лежало много бумаг, а в их ворохе пряталась ученическая чернильница-невыливайка. Что-то знакомое показалось мне в его взгляде,

я готов был поклясться, что уже видел этого человека, но когда и где — вспомнить не мог.

— Вошёл — садись. Я сейчас окончу писать, ты извини, и мы начнём знакомиться с тобой.

Я потихоньку достал из кобуры свёрточек профессора Быстрова, втиснул его в бумаги с края стола и приподнялся, чтобы дать дёру: зачем мешать очень занятому человеку. Но он, оказалось, всё видел и разгадал мой манёвр.

— Э, нет, дружок, постой. Переступил порог, так гостем будь, не обижай уходом.

Большие и выразительные глаза его источали насмешливые огоньки, но, я заметил, он был рад неожиданному моему приходу.

— Сиди, сиди, а я сейчас чаем распоряжусь. А какое вареньеце у меня припасено, н-н, язык проглотишь. — Он хлопотал у самовара — отодвигал в сторонку бумаги, расставлял чашки, засыпал чай в заварник, нахлобучивал на него чехол.

— Ну-с, пододвигайся поближе, дорогой гостенёк.

Мы пили чай, и человек, назвавшийся дядей Лёшей, то и дело подкладывал варенья в мою розетку, а сам внимательно слушал то, что я рассказывал о блокаде. Иногда он переспрашивал, уточнял что-нибудь про улицы и здания.

— Горел Сенат и Синод, ты сам видел шлейфы огня над ним? Ах, изверги, где варварам и гуннам до них! И они ещё смеют апеллировать к мировой общественности, гилевщики!.. Ты извини, это я своим мыслям, и продолжай дальше, мне это важно слышать от тебя. Очень важно. Продолжай, дружок.

Я продолжал. Рассказал и про шофёра Славку Запольского, и про Сеню, и про мяч на ледяном пузыре, и про то, что улицы и дворы начали очищать, чтобы не вспыхнула эпидемия, и что паёк всем немного прибавили, но скоро прибавят и побольше, потому что в Кобоне целые горы продуктов для Ленинграда. И вообще про всё, что сам видел и знал.

— Молодцы! Какие мужественные страдальцы наши люди, дорогой ты мой земляк! Не-ет, Дрёмовых никому и никогда не сломить, никаким паршивцам.

Кто не знал тогда танкиста Дрёмова? Несколько дней назад мы всей палатой сгрудились у репродуктора и слушали каждое слово радиопозиции о том, как пришёл в родную деревню обгорелый танкист Дрёмов и не признался матери, выдав себя за другого. Мы слушали передачу, затаив дыхание, переживая за Дрёмова и его мать.

Выходит, и дядя Лёша слушал рассказ по радио в одно время вместе с нами и думает так же. Здорово, ничего не скажешь. А дядя Лёша расспрашивал уже обо мне: где живу, с кем, и почему глаза тру, не выспался, что ли?

Врать не хотелось, а всю правду говорить я поостерегался — от дяди Лёши, было видно, запросто не отделаешься. Выбрав среднее о глазах, я сказал:

— Выспался, они у меня болят.

И вот что из этого вышло, надо же было языком болтать.

— Болят? — переспросил дядя Лёша. — И ты так спокойно об этом говоришь? Завтра же приходи ко мне, и мы пойдём к доктору. Хотя нет, позволю, почему завтра? Сегодня. Сейчас. Идём сейчас, немедленно, ведь это — глаза.

Доктором оказался сам верховный жрец окулистов академик Филатов. О нём мы в госпитале знали, потому что в знаменитую филатовскую клинику, эвакуированную из Одессы, отправили нашего Ивана Утехина.

— Кто это тебе так незаметненько сберёт вторую половину счастья?

— Доктор Табаков с Моховой, он, знаете...

— Вижу: передай ему при случае, мол, низко кланяюсь ему. Блестящий врач, редкая, исключительно точная рука. — И он начал быстро писать рецепт, обращаясь к дяде Лёше: — Что же касается представленного молодого человека — у него явление чисто географическое и при помощи сего снадобья, думать надо, через недельку-другую придёт в норму. А теперь давайте-ка и ваши очи, дорогой ходатай.

Академик прокрутил за подбородок дядю Лёшу так же, как и меня, но называл его при этом батенькой.

— Засим, молодые люди, желаю здравствовать, меня ждёт необычайный жизнелюб, у него прелестное имя — Иван и не менее прекрасная фамилия — Утехин.

— Ой! — непроизвольно вырвалось у меня. — Мы с Иваном Утехиным из одного госпиталя...

Так тайное стало явным. Не спасло меня и то, что пакетик, хранимый в кобуре, предназначался вовсе не дяде Лёше, а его соседу, — я просто перепутал номера домов. Соседом же дяди Лёши оказался... Нет, лучше всё по порядку... В тот счастливый день мы расстались с дядей Лёшей у нашего госпиталя. Он пообещал поговорить с нашим начмедом о моей дальнейшей судьбе, заметив мне заодно:

— Пётр Петрович, говоришь, сердитый человек? Вот бы ни за что не подумал так о моём добрейшем соседушке. Кстати, он наш земляк.

У меня в голове всё пошло кругом: шёл с поручением к одному человеку, попал к дяде Лёше, а сердитый начмед, оказывается, его хороший знакомый и друг профессора Быстрова. Раздумывая, я запутался окончательно и решил на всякий случай не попадаться на глаза капитану медицинской службы. С понятным нетерпением я ожидал прихода в госпиталь дяди Лёши. Лишь однажды я покинул в эти дни госпитальную территорию. Ташкент прощался с белорусским поэтом Янкой Купалой. За катафалком шла огромная процессия, тесно стоял народ на тротуарах

улицы Энгельса. Медные тарелки ударников всплескивали ввысь тревожные сгустки траурного марша. Женщины плакали, кто-то читал перефразированные строки покойного:

— *А ка-а-го там несут?*

— *Бе-ла-руса...*

Почти сразу за катафалком шёл и дядя Лёша в чёрном костюме, в чёрной академической шапочке-ермолке, глубоко надвинутой на крупную, склонённую голову. На этот раз я узнал его — это был Алексей Николаевич Толстой. «Пётр Первый» — это он, «Гиперболоид инженера Гарина» — это он, «Русский характер» — это тоже он. Да у него же и минуты свободной нет.... Ой, что же я натворил!

На следующий день рано утром меня вызвали к начмеду.

— Вот мы тебя и подлечили, давай теперь, брат, послужи́м — иди в каптёрку и экипируйся, а потом поедем.

— Я не поеду, — запротестовал я, имея в виду, что Пётр Петрович поедет со мной в детдом.

И он, совсем как профессор Быстров, прикрикнул на меня:

— Да вы поглядите на этого неблагодарного героя, он — не поедет! О нём просит великий русский писатель, а он — не поеду!..

Недоразумение, к счастью, не успело разрастись: очень скоро мы поехали принимать новый санитарный поезд — подарок Алексея Николаевича Толстого войнам Красной Армии. Начальником этого поезда стал Пётр Петрович, я проходил по штатному расписанию хозяйственного персонала и счастлив от той маленькой должности до сих пор.

Покидая тогда Ташкент, я крикнул ему:

— Рахмат тебе, Ташкент, за всё — спасибо!

Элида ДУБРОВИНА

З и м н и й л е с

*...И, спугнув синичьи разговоры,
Медленно, чуть слышно входим мы
В тишину серебряного бора,
В снежное безмолвие зимы.
Пятна солнца, голубые тени,
Дождь хвоинок, беличьи следы,
Инея сквозистого свеченье —
Всё как бы впервые видишь ты!
Тихо всё... Но в отдаленье*

слышно:

*Стукнул дятел старую сосну.
Зябнут щёки? Становись на лыжи,
Разбуди лесную тишину!
Мимо сосен, мимо речки*

*Мчится, мчится детвора!
Лес летит, летит навстречу,
Весь — из серебра!
Лес летит,
Сверкают сосны
В звёздах
Снежного огня,
И блеснит, блеснит на солнце
Узкая лыжня!
Сколько будет смеха, разговоров!
Сколько раз ещё припомним мы
Тишину серебряного бора,
Снежное безмолвие зимы!*

Рис. Т. Ивановой

В списках героев не числятся

ПО ОСОБОМУ РАСПИСАНИЮ

Когда началась Великая Отечественная война, почти все школьники старших классов города Колпина вышли на строительство оборонительных рубежей. Надо было бить, бить неподатливую, каменно-крепкую землю. И так 12—14 часов в сутки. По вечерам они ещё умудрялись выпускать «боевые листки», пели. В хоре постепенно замолкал один, другой, третий голос, — сморённый усталостью ребята засыпали. Рыли окопы в районе Понтонной, Ям-Ижоры, деревнях Путролово и Войскалово. Ребята помладше работали в это время на полях колхоза имени Тельмана.

30 августа враг занял Красный Бор, расположенный в трёх километрах от города, и тогда школьные группы начали возвращаться. Шли

пешком, но не бросали ни лопат, ни ломов. Они понимали — началась битва. Тяжёлая битва. И победа зависит и от них — сегодняшних школьников, завтрашних бойцов. В окопах, вырытых ребятами, на смерть стали бойцы Ижорского батальона. Комиссаром ижорцев стал бывший начальник школьных групп, в прошлом директор восьмой школы Колпина, — Михаил Иванович Богомолов.

Со стороны Поповки и Красного Бора вспыхивало при взрывах зарево. Над головами качались оборванные провода, улицы избородили воронки. Старшие ребята буквально не выходили из райкома комсомола. Добивались и добились — стали равноправными среди бойцов истребительного батальона, созданного комсомольцами Ижорского завода. Вместе с ребятами в батальон пошли и учителя: Назаров, Фёдоров, Карецкий. Бойцы истребительного батальона, собирались поздно вечером, расходились с первыми лучами солнца. Их задачей было обнаружить и обезвредить вражеских лазутчиков, действовавших в Колпине. Хоронясь на чердаках, в брошенных квартирах, полуразрушенных зданиях, диверсанты сигналили карманными фонариками врагу, запускали ракеты.

Дом под номером 5/17 на проспекте имени Ленина попал в сильный артиллерийский обстрел. На другой день, полагая, что он будет там в безопасности, лазутчик прокрался в дом. Вот тут-то его и накрыли истребители. Сопrotивлялся он отчаянно — знал, пощады ждать нечего. Но не зря ребята на уроках физкультуры занимались силовыми приёмами!

А младшие ребята собирали, где могли, оружие. Взрослые об этом не знали. Собранное оружие мальчишки решили прятать в школе. И однажды склад с боеприпасами обнаружили учителя. Вот уж тут ребятам прочли хорошенькую нотацию. Оружие было переписано, проверено и отдано истребителям. Снаряды — Ижорскому батальону.

1 сентября в колпинских школах не прозвучал звонок: Негде ему было звенеть. По всему городу не осталось ни одного целого здания, всюду пылали, тлели, дымились деревянные строения. Улицы обезлюдели. Ижорский завод перешёл на военное положение — рабочие приходили домой только в выходные дни. Сначала ребят не очень-то волновало, что занятия не начались. Но постепенно они почувствовали беспокойство: учебный год пропадет. И вдруг по городу прошёл слух: открываются школьные пункты.

Из квартир, разрушенных школ и учреждений учителя вместе со старшими школьниками собрали кое-какую мебель, перетащили её в подвалы. Электричества не было — заниматься ребятам пришлось при коптилках. И всё-таки в эти пункты тянулись дети. 10 ноября их собралось 138 человек, а к 1 января уже 196. Конечно, в подвалах какая уж нормальная учёба! В одной комнате первые и пятые классы. Одним ребятам учительница даёт письменное задание, другим объясняет новый материал.

Райком партии решил: три школы — на проспекте имени Ленина, Лагерном шоссе и улице Культуры — необходимо во что бы то ни стало восстановить. Начало занятий 1 мая 1942 года. Ремонт школ шёл преимущественно ночью. Кое-как подсвечивая друг другу фонариками, свободные от смены рабочие, учителя и ученики старших классов заделывали щели в стенах, фанерой заколачивали проёмы окон, складывали из кирпичей печи.

Фашисты обстреливали Колпино методично, по расписанию. Все в городе знали, когда вражеские артиллеристы «изволят обедать». В эти недолгие часы ребята искали разбомблённые деревянные дома, разбирали их. Брёвна тащили пять-шесть человек. Голодные, слабые. Сделают шаг-другой — остановятся. Из Ленинграда привезли несколько комплектов учебников, тетради. Когда всё было готово, ижорцы преподнесли школьникам подарок. К

школам протянули новые провода, и под потолком классов загорелись электрические лампочки. 1 мая все три школы открылись. В них прошло свыше 500 детей.

— Снаряд попал в склад с толом, — вспоминает Анастасия Ивановна Балясина, ныне преподавательница домоводства 27-го интерната Колпина. — Взрыв был страшный. А я в то время уроки готовила домашние. По математике. Наконец

всё стихло. Я окно одеялом завесила и снова за уроки. Даже мысли не возникло что-нибудь не подготовить. Ну, а к девяти утра побежала в школу. Опаздывать нельзя — утром кормили горячим завтраком. Опоздаешь — завтрак пропустишь, а нам всегда так хотелось есть. Мы рано-рано из дома выходили. Знали — в пути может застать обстрел. Тогда быстренько ложись в канаву. Была такая на проспекте имени Ленина. Длинная, узкая, словно специально её вырыли.

В школе тоже опасно было. Помню, урок русского языка и литературы шёл. Пушкина мы проходили, «Капитанскую дочку». Начался обстрел. Мы привыкли — не обращали внимания. А тут грохот страшный. Ребята от страха кто за печку, кто под парту полез. Только учительница как за столом сидела, так и осталась сидеть. Прошло минут десять. Все потихоньку вылезли. Глядь, оба окна выбиты. Досками

заколочены были, и вот... За шкафом хранились карты. Мы ими окна и завесили, наглядными пособиями загородили. И опять учительница о Пугачёве рассказывать начала. Ежедневно собирались ребята возле тарелки-репродуктора — слушали последние известия. Потом дежурный передвигал флажки на карте. А в Колпине всё оставалось без изменений — блокада. И только в госпиталь на проспекте имени Ленина прибывали и прибывали раненные.

Комсомольцы школы решили под-

готовить концерты для раненых. Но какие придумать номера? Выбрали весёлые частушки, короткие стихи, разучили не очень быстрые пляски. Быстро плясать ребята боялись: закружится голова, свалишься. Остальные ребята ворчали: «Они в госпиталь пойдут, перед ранеными выступят, а мы что, рыжие? Придумайте и нам что-нибудь такое...» — «А вы подарки приготовьте», — сказала старшая вожатая. И сразу закипела работа. Девочки шили кисеты, вязали рукавицы, кружевом обвязывали носовые платки.

Первый концерт прошёл на «ура». Бойцы смеялись, кто мог — аплодировал. Лежачие просили маленьких актёров отойти подальше, некоторым даже табуретку приносили, чтобы все их видеть могли. Один боец попросил ему новые носки надеть — ноги после ранения мёрзнут. Ребята были счастливы. Раненые постоянно стремились как-то ребят одарить: то сухарь засунут в карман, то кусочек сахара. Один мальчик всё отказывался, на тумбочку угощение клал. Бойцу досадно, да и по мальчику видать — очень ему сахару хочется. Наконец так порешили: боец себе половину откусил, а вторую мальчику отдал.

И ещё случай был: подозвал один боец старшую вожатую и протягивает ей сто рублей. Она даже отскочила. «Что вы, да разве мы за деньги к вам приходим?» А у бойца слёзы на глазах. «Я, — говорит, — тоже своих детей имею. Мальчика и девочку. Только они... они на временно оккупированной местности сейчас живут. И вот... как бы тебе, дочка, объяснить. Нечем мне вас одарить. А так желательно! Возьми! Когда у нас тут кино показывать станут, всем ребятам билеты купишь. Возьми, пожалуйста!» Старшая вожатая подумала и деньги взяла.

ЕЛКА 1943 ГОДА

— Будет праздник! Новогодний!

— Елку достали! Уже везут!

Новость мгновенно облетела школу, хотя всерьёз ей никто не пове-

рил. Ну как это возможно: обстрелы, блокада — и вдруг ёлка. Как до войны. По-разному вспоминают этот вечер Анастасия Ивановна Балякина, в то время ученица шестого класса, и директор 401-й школы Александра Андреевна Новосельцева. Анастасия Ивановна помнит ёлку такой, какой увидела в тогдашние свои тринадцать лет:

— Никогда не забуду ёлку сорок третьего года. Все учителя были нарядные. В первом ряду, я это точно помню, сидела Татьяна Петровна Горбылёва. А ёлка, ёлка вся украшена игрушками. Дожда золотого было много. Эту огромную ёлку привезли нам военные — шефы. Они тоже были на ёлке. Все танцевали, все веселились. В тот новогодний вечер и обстрела не было. Или мы не заметили. Нам так весело было, так приятно...

А вот как об этом вспоминает Александра Андреевна:

— Очень трудно было достать ёлку, — некуда за ней было ехать. Почти напротив нашей школы река Ижорка, за ней кладбище. Потом чуть-чуть ничейной полосы и уже вражеские окопы. Но какой же новогодний праздник без ёлки? Выход нашёлся. Какой-то боец, никто имени его так и не узнал, пополз на ничейную полосу и принёс нам маленькую ёлочку. Мы её украсили и кочевала эта ёлочка по всем убежищам и школьным помещениям. Вокруг ёлки собирались дети, родители, солдаты и офицеры. Я даже не знаю, кто из них больше радовался: дети или военные.

Лучшей артисткой 401-й школы считалась Таня Симонова. Девочка лет девяти, ученица второго класса. Роста Таня небольшого, а голос звонкий, чистый. Изумительно стихи читала. Особенно нравилось зрителям стихотворение, в котором описывалось, как ребята, играя в войну, никак не соглашались исполнять роль фашиста. А с кем воевать, если фашиста никто изображать не хочет? Решили стащить огородное чучело. Ему-то наверняка всё равно, кем быть. Но и чучело, когда

началась игра, сбросило с палки-головы военную каску. Дойдя до этого места в стихотворении, Таня взмахивала рукой, словно что-то швыряла, гордо откидывала голову, кричала на весь зал: «Фашистом быть я не хочу!» Её без конца вызывали на «бис».

Возвращаясь поздним вечером с работы, Танина старшая сестра наткнулась на человека, стоявшего посреди улицы. Девушка испугалась, зажгла фонарик, осветила лицо незнакомца. Перед ней стоял боец, закутанный в плащ-палатку.

— Извиняйте, девушка, — сказал он. — Я тут уже давно плутаю. Улицу мне в школе объяснили, но табличек с названиями нет, номеров на домах тоже.

— А кого вы ищете?

— А и правда, может, вы знакомы, — обрадовался боец. — Девчушка на этой улице проживать должна. Маленькая такая. Таней Симоновой зовут. Стихи хорошо исполнять умеет.

— Пойдёмте со мной. Я Танина сестра, — сказала девушка.

Выяснилось, пришёл боец с передовой. Его товарищи, прослышав о маленькой артистке, решили сделать девочке новогодний подарок. Собрали вещмешок сухарей, добавили банку тушёнки, сгущённого молока и немного сахара. Таня и её родные ни за что не хотели отпустить бойца.

— Ну куда вы пойдёте на ночь глядя, — говорили они. — Переночуйте, погреейтесь, сейчас кипяточек сообразим.

Но боец не остался. Пожал Тане, как взрослой, руку и ушёл.

ОН ЖИЛ В ШКОЛЕ

8 октября 1942 года у Коли Крайильникова погибла при бомбёжке мама. Мальчик был ранен. Когда выписался из госпиталя, Александра Андреевна Новосельская предложила ему перебраться в школу. По вечерам в школе нередко ночевали и другие его одноклассники. Так уж повелось: если родители в ночной смене, дети остаются в школе. Со-

берутся у печки и пошло: «Мама сказала», «Папа принёс», «А у моих на заводе...». Коля послушает-послушает, выйдет в коридор и заплачет. И тогда Александра Андреевна перевела мальчика в учительскую.

Сначала его присутствие учителей стесняло, хотя Коля за своей ширмой старался и дышать потише. Дело в том, что учителя постоянно спорили, как вести себя с ребятами в такое сложное время: «Стоит ли делать резкие замечания?», «Можно ли поставить двойку за невыполненное домашнее задание, если дом, где живёт ученик, накануне был обстрелян?», «И вообще, можно ли сейчас наказывать?»

— Постепенно я привык заставлять себя делать всё, что нужно,— вспоминает Николай Николаевич.— Утром нужно встать. Не хочется, а нужно. Хорошо бы задачи сегодня не делать—отложить на завтра, как-нибудь, может быть, и сойдёт. Нет, нужно сделать! Если сегодня не сделаю, завтра тоже не захочу...

Сейчас Николай Николаевич Крайильников доктор технических наук, профессор Ленинградского института авиаприборостроения.

— Готовясь к лекциям, я постоянно вспоминаю своих учителей. Представляете, голодные, многие очень больные, у всех близкие на фронте, а они специально искали для нас... смешинки. Выписывали из книг, довоенных журналов всякие забавные выражения, шутки-прибаутки. Лишь бы как-то нас приободрить.

— ЭТО ЗАПОМНИЛОСЬ навсегда, когда принимали нас в комсомол,— рассказывает Анастасия Ивановна Балясина.— Нам дали комсомольские поручения. Мы ходили, собирали книги, приносили в школу. Сохранили библиотеку! Я сберегла бюст Карла Маркса. Всю войну его хранила, а когда наш дом разбомбили, разыскала и унесла. Сейчас он в Ленинской комнате у нас в школе стоит. В сорок третьем году по утрам и вечером после учебы мы восстанавливали школу. Ныне она — четыреста девятая. Нам, стар-

шим комсомольцам, было тогда по четырнадцати-пятнадцати лет,— мы уже взрослыми считались. Нам даже поручили дежурить в райкоме комсомола. Задание было такое: если вблизи упадёт снаряд, сообщить в пожарную охрану или в милицию. Мы давно научились снаряды различать: лёгкий — со свистом летит, тяжёлый — с грохотом. Когда нам читали задание, кто-то сказал: «Выполним, если останемся живы». Никто не улыбнулся, не принял это за шутку. Все понимали—всякое может быть.

Отгремела война, прошли годы. Постарели учительницы, стали взрослыми ученики. Но каждый год двадцать седьмого января в школах Колпина проводится вечер памяти прорыва блокады. На этих вечерах выступают учителя. Седые и как будто ставшие меньше ростом, они выходят на трибуну. А в первых рядах сидят бывшие ученики. Они смотрят на своих учителей снизу вверх—как много лет назад. Только с каждым годом в их глазах всё больше благодарности, всё больше любви к своим наставникам.

Рис. Н. Нефёдова

РЕБЯТА! С этого номера мы открываем рубрику — «Соседи по планете». Мы назвали её так потому, что жизнь человека на Земле прочно и навсегда связана с птицами и рыбами, зверями и насекомыми.

Человек — часть природы и существовать без неё не может.

«Человек очень силен и очень мудр. И поэтому он должен быть добр, благороден и разумен в своих отношениях с животными». Это слова из книги известного детского писателя Юрия Дмитриева «Человек и животные».

Юрий Дмитриев открывает нашу рубрику. Вы знаете его, ребята, по очень многим книгам, которые он написал для вас: «Добрый дятел», «Невидимый фронт», «Хитрецы и невидимки», «Белый бобр», «Пароль „Пусть живёт“», «Здравствуй, белка! Как живёшь, крокодил!», «Человек и животные», «Большая книга леса» и ещё много других. А одна из первых его повестей — «Зелёный патруль» — положила начало всесоюзному движению «зелёных патрулей», отрядов, которые стали заслоном на пути браконьеров, защитниками природы.

Юрий ДМИТРИЕВ

ОДНАЖДЫ попала мне в руки очень красивая книга: яркая обложка, множество рисунков и фотографий. А прочитать книгу или хотя бы подпись под иллюстрациями я не мог: книга была на иностранном языке, которого я не знал. Я догадывался, что книга интересная, но о чём она? И только с помощью товарища, владевшего этим языком, мне удалось узнать её содержание.

Я вспоминаю об этом случае каждый раз, когда вижу людей, впервые попавших в лес или на луг. Всё им тут нравится и в то же время всё непонятно. Они тоже словно рассматривают картинки в книге, написанной на непонятном языке. И всегда мне хочется им помочь. Помочь понять, как удивителен и прекрасен мир, в который они попали. Помочь понять, что каждая птица, каждая букашка — чудо. А поняв это, я уверен, люди начнут бережно относиться ко всему живому, к тем же лягушкам, стрекозам, муравьям и жукам, которых они, не задумываясь, иной раз губят, но без которых не могут прожить ни лес, ни луг, ни озеро, ни поле.

Возможно, ты спросишь: а для чего мне это всё знать? Я не ломаю деревьев, не гублю птиц, не ловлю бабочек. И вовсе не собираюсь стать биологом. Что ж, допустим, это всё так. Но представь, что хочешь ты или не хочешь, природа ежеминутно что-то тебе отдаёт. Так неужели, если ей потребуется твоя помощь, ты отвернёшься?

А природа нуждается в твоей помощи. Та самая природа, которая даёт тебе и книгу, и этот журнал, и стол, за которым ты сидишь, и рубашку, которая на тебе надетая, и всё, что ты ешь и пьёшь, и фильмы, которые ты любишь смотреть (киноплёнка делается из древесины) и ещё многое и многое. Кстати, древесина нужна хими-

кам и самолётостроителям, врачам и космонавтам, кондитерам и текстильщикам... Из неё сейчас изготавливают около 30 тысяч различных предметов, вещей, продуктов — почти всё самое необходимое для человека. Для нужд каждого из нас — от рождения и до смерти — требуется около 400 деревьев. А сколько мы с тобой посадили? Но деревья — не единственные растения на Земле. Есть ещё и травы, и кустарники, и грибы. Они тоже дают нам и продукты питания, и лекарства, и красители, и многое другое.

Без растений давно прекратилась бы наша жизнь на Земле. Они дают нам кислород. И не только для нашего дыхания. Заводы, фабрики, автомашины, котельные, пароходы, мартены и домы тоже сжигают кислород, выделяя углекислый газ. Ежегодно на нашей планете выделяется в воздух около двух с половиной миллиардов тонн углекислого газа. И с каждым годом это количество возрастает. Но жизнь на Земле не прекращается. И не прекратится до тех пор, пока существуют на планете растения — «зелёные лёгкие» нашей Земли.

Но, как это ни печально, с каждым годом на Земле становится растений всё меньше. Строятся новые города и расширяются старые, прокладываются железные и шоссейные дороги. Они теснят растения, уменьшают площадь лесов и лугов.

Учёные и специалисты, конечно же, постоянно заботятся о сохранении «зелёных лёгких» Земли. Но им одним не справиться, если все мы не будем им помогать. Ну, а как, например, помочь лесу? Не давать рубить деревья? Конечно, нет. Если лес рубят по правилам, то взамен срубленного дерева сажают другое, ухаживают за ним, выращивают. Возможно, там, где ты живёшь, нет школьного лесничества. А тебе очень хочется отплатить зелёному другу добром за добро. Что ж, если ты сделаешь несколько птичьих домиков, спасёшь от разорения несколько муравейников, лес скажет тебе спасибо.

Кончив школу, ты, возможно, станешь строителем, инженером, конструктором или архитектором. Думаешь, ты далеко отойдёшь от природы? Химиков, например, сейчас интересует жук-бомбардир. Оказывается, он «знает секрет» длительного хранения перекиси водорода, секрет, которого не знают люди. Архитекторов интересуют муравьи. Города будущего, какими они будут? Не подскажут ли муравьи? Ведь их муравейники идеальны со строительной точки зрения... А дельфины и киты, рыбы и осьминоги, майские жуки и перелётные птицы? Они тоже владеют многим, чего пока не разгадали люди. Но природа открывает свои сокровенные тайны лишь тем, кто любит и понимает её, кто умеет смотреть, видеть и терпеливо наблюдать. Вот о таких людях я и хочу тебе рассказать.

ЗАВЕЩАНО ЛЕНИНЫМ

Морозным январским днём 1919 года по заснеженным улицам Москвы шёл высокий, чуть сутуловатый человек. Он торопился, хотя усталость долгой дороги давала себя чувствовать. Но сейчас всё позади — опасность, томительные дни в теплушке, бесконечные остановки в степи, на полустанках, ожидания на холодных вокзалах. Сейчас предстоит самое главное, то, ради чего пробирался, рискуя жизнью, в Москву из далёкой Астрахани Николай Николаевич Подъяпольский — агроном по образованию, просветитель по призванию и горячий защитник природы по убеждению.

Прямо с вокзала он направился к народному комиссару просвещения Анатолию Васильевичу Луначарскому, с которым был знаком ещё до революции. Коротко рассказав, как выбирался из ставшего уже прифронтовым города Астрахани, с каким трудом добирался до Москвы, Подъяпольский протянул наркому свои записи. Луначарский быстро пробежал глазами бумаги и на другой же день рассказал Владимиру Ильичу Ленину о приезде и о документе, который тот привёз.

16 января состоялась встреча Н. Н. Подъяпольского с Владимиром Ильичём. Потом, через десять лет, Подъяпольский в своих воспоминаниях расскажет об этой встрече, о том, как волновался, как готовился к разговору, как подыскивал самые убедительные слова и самые яркие факты. Но Ильича не понадобилось убеждать, не потребовалось ничего доказывать ему — Ленин прочитал документ, привезённый Подъяпольским, и всё сразу понял, хотя документ для того времени действительно был необычный — это был план организации заповедника в дельте Волги.

Природные богатства в дельте Волги были огромными и казались неисчерпаемыми. Но люди хищнически использовали эти богатства: во время линьки беспомощных уток загоняли в сети по 1000—1500 за раз, собирали птичьи яйца и... отправляли их на мыловаренные фабрики, ради двух-трёх перьев, которые покупали агенты французских шляпных фабрикантов, убивали удивительную птицу — белую цаплю, сжигали тростник, чтобы выгнать из зарослей кабанов, перегораживали наглухо сётамы протоки и рукава реки во время хода рыбы на нерест, а зимой вычерпывали рыбу из зимовальных ям...

Вот почему, несмотря на очень трудное время — белогвардейцы подходили к городу, — Астраханский губисполком рассмотрел план организации заповедника, одобрил его и командировал Подъяпольского в Москву. Обо всём этом и о многом другом агроном рассказал Ленину. Выслушав Подъяпольского, Ильич сказал:

— Дело охраны природы имеет значение не только для Астраханского края, но и для всей республики.

За окном кремлёвского кабинета Ленина мела позёмка, шёл первый месяц 1919 года — самого трудного года в жизни молодой Советской республики. Но Ленин считал, что охрана природы — очень срочное дело.

Молодая Советская республика получила тяжёлое наследие от царской России. В годы империалистической и гражданской войны было сведено много лесов, погибло множество животных. До животных ли было в то время, когда страна напрягала все силы в борьбе с многочисленными врагами — Колчак и Юденич, Деникин и Врангель, английские и французские, американские и японские оккупанты, банды Махно и Григорьева, меньшевики и эсеры — все вместе и каждый в отдельности стремились нанести удар республике? Но большевики думали о будущем страны, а значит — о сохранении её природных богатств.

Вот почему в тот январский день Ильич так заинтересованно выслушал Подъяпольского и горячо одобрил идею астраханцев.

11 апреля 1919 года, когда враг уже подступал к городу и Астрахань под руководством С. М. Кирова готовилась к обороне, губисполком вынес решение об организации Астраханского заповедника.

Сейчас в нашей стране около ста заповедников. Самих разных и в самых разных географических зонах. Может быть, в один из заповедников попадёте и вы, ребята. И может так случиться, что, попав в заповедник, разочаруетесь: очень уж он похож на самый обыкновенный лес. Можно бродить по нему часами и не встретить ни одного зверя — разве что белки будут цокать над головой, да раз-другой пробежит через тропинку зайчишка. Конечно, в заповеднике зверей гораздо больше, чем мы видим, — просто, когда мы идём по лесу, чуткие и осторожные звери прячутся в траве или кустах, прижимаются к стволам деревьев или затаиваются в листве. Десятки глаз напряжённо следят за человеком, десятки животных ждут, когда человек пройдёт и снова можно будет бегать, искать еду, охотиться. Конечно, в заповеднике, где животных не преследуют, не пугают, они доверчивее. Но всё-таки заповедник действительно очень похож на обычный лес. И самое главное, что так оно и должно быть.

Но если заповедник не очень отличается от обычного леса, то для чего же он нужен? Сразу, коротко на этот вопрос не ответишь. Дело в том, что человек всё время как-то влияет на природу. Ну, браконьеры, понятно, уничтожают животных. Это знают все. Но мало кто знает, что на природу влияют и люди, которые, казалось бы, никакого отношения к ней не имеют.

Учёные подсчитали, что за последние столетия количество леса на Земле уменьшилось более чем в два раза! Естественно, что уменьшилось и количество животных. Но ведь человек сводит леса не только для того, чтобы построить дорогу, аэродром или засеять новые поля. Люди рубят деревья, чтобы соорудить дом, изготовить

бумагу и т. п. Людям нужны ягоды — их собирают, а ведь это — пища многих зверей и птиц. Людям нужна пушнина и дичь — они продолжают охотиться. Короче говоря, на животный мир влияет всё: и лесопильный завод, и лесной пионерский лагерь, даже ваш транзистор, который вы берёте с собой на прогулку в бор.

Не трогать лес совсем, не подходить к нему вообще? Это невозможно. Значит, надо просто стараться наносить лесу, животным и насекомым как можно меньше вреда. А как выяснить, насколько то или иное действие человека влияет на животных? Только путём сравнения, скажем, двух лесов: того, где действует человек, и того, где он почти не бывает.

Вот так люди и придумали создать заповедники — такие участки живой природы, где всё, как в «обыкновенном» лесу, каким он был до прихода человека. Такие заповедники называются «эталонными» (от французского слова «эталон» — образец, установленная мера). Есть и другой тип заповедника. Его задача — сохранить редких животных в местах их исконного обитания. Примером такого заповедника может служить Кандалакшский. Здесь живут птицы — гаги. Всякая охота на них, сбор яиц и пуха строго запрещены, потому что гаг осталось очень мало. Сравнительно недавно — лет сто пятьдесят тому назад — из России вывозилось несколько десятков тонн гагачьего пуха ежегодно. Пух этот появляется у гаги только в период гнездования — им птица выстилает гнездо и прикрывает яйца. Он очень лёгкий, очень тёплый и очень высоко ценится. Но чтобы собрать килограмм гагачьего пуха, надо разорить не меньше 50 гнёзд! Неудивительно поэтому, что гаги быстро исчезли. К тому времени, когда решено было организовать заповедник, насчитывалось всего 58 гнёзд гаг. Сейчас в заповеднике их несколько тысяч.

А вот ещё один тип заповедника — в нём, как и в других заповедниках, запрещена охота и отлов животных, и всё-таки иногда там можно увидеть животных, пойманных и посаженных в клетки. Например, в Воронежском заповеднике можно увидеть бобров, сидящих в клетках. А ведь Воронежский заповедник прославился именно своими бобрами...

На бобров издавна усиленно охотились. К тому же человек наступал на дикую природу, и бобрам оставалось всё меньше места для жилья. Примерно двести лет назад в Европе бобры практически перестали существовать.

В России к 1917 году оставалось не более 700—900 зверей. Несколько десятков бобров жили на берегу реки Ивицы, неподалёку от Воронежа. И вот в 1922 году тут решили организовать заповедник. Уже через пять лет после организации заповедника количество бобров увеличилось в три раза, а ещё через несколько лет их уже можно было расселять. И бобры начали путешествовать. Конечно, в клетках, конечно, под присмотром людей отправлялись они в места, где некогда были бобро-

вые поселения. И вот на берегах Байкала и на тихих речках Московской области, на северных реках и во многих других местах появились новосёлы. Сейчас их уже в нашей стране несколько тысяч.

Сходная судьба и у другого очень ценного пушного зверька — соболя. Он тоже когда-то был широко распространён, жил не только в сибирских лесах, но и в европейских, доходил до теперешней Белоруссии. Но с каждым годом соболя становилось всё меньше, а шкурки — всё дороже. И чем дороже становились шкурки, тем яростнее преследовали зверька охотники. Двести лет назад в Европе соболя уже не оставалось совершенно, в Сибири он стал очень редким.

Очень вероятно, что зверёк этот вообще перестал бы существовать на земле, если бы в 1923 году Советское правительство не организовало в Сибири, в районе Баргузинского хребта, заповедник. В это время тут оставалось не более 20 соболей. Прошли годы, и вот в тех местах, где оставались считанные зверьки, количество их увеличилось настолько, что стал возможен промысел.

Соболь, бобр, гага — это лишь три примера спасения животных в заповедниках. Примеров можно привести гораздо больше. Можно рассказать, как в Кавказском заповеднике спасли и сейчас расселяют по стране редких животных — туров, а из Бадзыхского заповедника, находящегося в Туркмении ещё более редких животных — куланов. Благодаря заповеднику «Беловежская пуща», Кавказскому, Приокско-Террасному существуют на Земле сейчас современники мамонтов — зубры.

Животный мир нашей планеты очень оскудел. С первого века нашей эры до сегодняшнего дня люди полностью истребили почти 350 видов животных. Полностью! Из них больше 200 видов за последние два века. И ещё немало животных, судьба которых в опасности — они могут исчезнуть очень скоро, и житель XXI века увидит их лишь на фотографиях и в музеях.

Но всё больше и больше людей включаются в борьбу за спасение животного мира нашей планеты. Создана международная «Красная книга», в которой записаны все животные, которые уже исчезли и которые могут исчезнуть в ближайшее время. Эта книга действительно красного цвета. Красный цвет не случаен. Он как бы говорит: «Стойте! Примите срочные меры!» Он как бы предупреждает об опасности, которая грозит сейчас более чем 200 видам млекопитающих и 300 видам птиц.

Ну, а для чего же спасать животных? Так ли уж это важно? Конечно, некоторые должны оставаться — они дают молоко и мясо, шерсть и кожу, — они нужны людям. А остальные? Стоит ли бороться за них, стоит ли тратить столько сил и энергии?

Вот как раз об этом мы с тобой и побеседуем в следующем раз, обсудим, для чего, скажем, человеку... бегемот?

Рис. Е. Галеркиной

ЕСТЬ СЮЖЕТЫ, которые мучают автора, как затяжная болезнь. Не дают ни спать, ни работать. Их надо записать, от них надо освободиться, выговориться. Чаще всего в основе такого сюжета лежит подлинная жизненная история, в которой автор либо сам участвовал, либо происходила она на его глазах. Причём это такая история, в которой тобой проявлена человеческая слабость, и именно это не даёт тебе покоя.

Такова история моего Гнома. В ней много подлинного, пережитого, хотя это, конечно, рассказ, ибо в нём есть художественный вымысел. То, что описано в рассказе, происходило в необычной обстановке, во время войны. Но скажите, разве можно списать за счёт войны мальчишескую несправедливость, жестокость, когда многие травят одного, благо он слаб и беззащитен! Разве в самой обычной обстановке — двора, улицы, школы, пионерского лагеря — не бывает у вас такого: подольститься к сильному, подставить ножку слабому, скопом навалиться на одного!.. Разве так не бывает: чувствуешь, что надо встать поперёк потока, защитить того, кто слабей, а что-то подленькое в тебе шепчет: «Будь как все, не высовывайся, и тебя не тронут...»

Говорить об этом в открытую нелегко, но необходимо, чтобы приучить себя всегда и во всём быть человеком. А это непросто.

Если мой рассказ заставит кого-нибудь призадуматься над собственной жизнью, буду считать, что написан он не зря. Ведь писал я его не только для себя.

Александр КРЕСТИНСКИЙ

Г Н О М

Я ВСТРЕТИЛ его в магазине «Мелодия» через много лет после детства и узнал. Узнал не только потому, что форма лица его застыла раз навсегда в том, знакомом мне состоянии. Вот ещё почему узнал: на нём был старомодный полотняный белый костюм, тубетейка, а через плечо старинная полевая сумка из грубой свиной кожи — чёрно-зеленовато-пупырчатая, а ремешок брезентовый.

Последний раз видел я такую сумку на боку у колхозного бригадира, когда тот ехал на велосипеде в поле. А здесь — приглушённый шум с Невского, вежливые тихие меломаны, склонившиеся над каталогом или с наушниками у проигрывателя. И Гном — в белом полотняном костюме. Гном — завсегдатай, знаток, свой человек. Это же с первого взгляда видно — как разговаривает, как держится.

Я мог бы ещё сомневаться, Гном это или не Гном, если б не полевая сумка. Она окончательно убедила меня. Сладко шевельнулась память, я подался к нему, но тут же я понял, что не подойду к Гному, потому что мне стыдно.

Я стоял и слушал разговор Гнома с продавщицей. Упоминались Сен-Санс, Берлиоз. Я узнавал в нём те, стародавние интонации. У него и тогда был такой вот нежный, певучий, как бы девичий голос. Любопытней из нас на его месте постарался бы скрыть эту предательскую нежность за грубостью, развязностью, крикливостью. Гном не скрывал, он ни под кого не подлаживался, не старался выглядеть грубее, чем есть.

Я смотрел на него и думал: кем он стал? Почтовым работником? Учителем? Бухгалтером?.. Нашёл себя в жизни или утешается музыкой после занудной нелюбимой работы? Человек, сохранивший повадки детства, вот эту манеру доверчиво склонять голову набок, этот жест — растопыренной ладонью по волосам, а главное — сохранивший на боку эту сумку, — такой человек крепко привязан к прошлому.

ЛЕТО сорок третьего. Маленький посёлок на берегу Финского залива. Длинный одноэтажный дом на горе. Он и сейчас стоит. Дом всё тот же, только крыт шифером, а тогда была дранка. Что в нём сейчас, не знаю. Склон горы от дома к дороге изумрудно-зелёный, живая нетронутая трава, а в те далёкие времена был сизый — по всему склону зрела мощная капуста.

В доме жили мы — мальчишки. Девочек поселили ближе к полям — в приземистом бараке. На стене барака суриком был выведен лозунг:

«Ударной работой на полях приблизим победу над врагом!» К тому времени мы уже не были дистрофиками, не дрожали при виде ломтика хлеба. На смену голоду мучительному, ожесточённому пришёл голод озорной, весёлый, опустошительный...

Мой кумиром был тогда Гришка. Отчаянный, хладнокровный, категоричный, как прямой угол. Я признал его сразу, не задумываясь, шёл за ним всюду, соглашаясь с любым его решением. Подчинение Гришке было радостно.

В мальчишеской нашей ораве было несколько вожakov. Был широкоплечий белолицый Ванифатьев, из тех, что спокойно и уверенно пользуются славой и привилегиями отцов. Был ещё Батый, цыганистый паренёк с диким взглядом косо поставленных глаз. Помню, однажды прискакал он к дому на лохматой водовозке, с гиканьем и свистом объехал вокруг столовой, потом резко остановил лошадь так, что дрожь прошла по костлявым её бокам, и его тотчас окружила мрачная многозначительная свита.

Наконец, третий центр притяжения — мой Гришка. Вокруг него кругами ходили многие, да он был недоступен. Мы жили с ним в одной комнате — я и Вовка Углов — потому и стали оруженосцами. Я в большей степни, Вовка в меньшей — по причине своей лени.

У Гришки было рано определившееся волевое лицо, костистое, с вы-

ступавшими скулами. Я взял недавно старую школьную фотографию: вот он, Гришка: резкие, чёткие линии губ, лба, носа, подбородка. Родись он на два-три года раньше да окажись здоров — уж то-то был бы герой, разведчик, подрывник, храбрец первой руки!

Мы подкапывали картошку на приусадебных участках с мрачными табличками — «Осторожно, злая собака». Но то ли действовали мы сверхосторожно, то ли боевые свойства собак были сознательно преувеличены их владельцами — нас с Гришкой ни разу не покусали. Между прочим: участков с собаками было два-три. Без собак — сколько угодно. На те, которых сколько угодно, Гришка не ходил.

Однажды мы унесли с совхозного парника тыкву. Тыква была путающе огромна. Мы несли её в Гришкиной рубашке, почти не таясь. Закатив тыкву под кровать, уселись передохнуть. Я с наслаждением трогал голыми пятками прохладную шершавую тыкву. В комнату вошла бригадирша Паня и скомандовала: «А теперь той же путёй обратно, карякины дети!» Так она ругалась — «карякины дети». Этой тыквой мы Паню сильно обидели, и она нам с Гришкой отомстила.

Но прежде чем рассказать о месте, надо вернуться чуть-чуть назад, Паня перевела нас с поля к себе на парник, услышав, как мы с Гришкой пели дуэтом. У Гришки был сильный высокий голос, а я ему подпевал. Паня любила слушать нас, просила петь во время работы. Мы пели, дёргая сорную траву, пели всё подряд, и Паня внимала нам благоговейно, сидя под старой ивой. Слёзы струились по обветренным квадратным щекам — она их не утирала. Паня подкармливала нас огурцами и морковкой и никогда не называла «карякиными детьми».

И вот — тыква...

Ни слова не сказав про тыкву начальнице лагеря Анастасии Власовне, Паня перевела нас с Гришкой в пастухи, чему мы по неопытности

обрадовались, почувяв в слове «пастух» дыхание вольной жизни. Паня привела нас в поле и оставила там. Вокруг бродили красно-белые телята и чёрный бычок по имени Ротный. Мы запалили костёр, предвкушая печёную картошку.

После полудня Ротный забеспокоился. Он начал скакать по полю, мотая головой и взрывая землю копытами. Сначала он бегал кругами, потом понёсся в сторону рощи, а там был овраг — мы испугались, что он переломает ноги. Телята дружно неслись за ним, мы с Гришкой бежали следом, махая палками. У самого оврага Ротный сменил направление и вскоре исчез в кустах на берегу высохшего ручья. Его мы больше не видели, только слышали треск сучьев. Сначала среди кустов мелькали рыжие и белые пятна, потом и телята исчезли. Мы выдохлись и потеряли стадо.

Измученные, приплелись на ферму. У ворот стояла Паня, скрестив руки на груди. Молодые работницы привели Ротного, бока у него ещё ходили. Паня погладила Ротного и сказала ему: «К награде тебя представляю».

Гришка молча повернулся и пошёл прочь. Я побежал за ним. По спине нас огрели смехом. Это было поражение. Гришка пережил его с достоинством, на следующий день в пастухи мы не пошли, за что нас (в который раз уже!) вызвали на разбор...

На всю жизнь запомнил я скамейку, на которую сажали нас, когда разбирали. Скамейка эта ещё до войны была изрезана ножами — может, стояла у входа в клуб. Были там, как водится, имена, фамилии, формулы отношений под знаком плюс, высказывания о жизни. Не скамейка, а сплошной узор. Когда-то её закрасили чёрной краской, желая вернуть ей приличный вид, но в некоторые глубокие взрезы краска не попала. Нелегко сидеть на письменах! Анастасия Власовна понимала это. Когда мы просились встать, она говорила: «Сидите, сидите, голубчики...»

Самое неприятное для меня в этих разборах было вот что: все понимали, что главный в наших похождениях Гришка, а мы с Вовкой так, с боку припёку. Ну, ладно, мол, он-то отпетый, а вы, вы как же?! Такое публичное признание нашей неполноценности было для меня невыносимо. Я не хотел, чтоб меня отделяли от Гришки. Я жаждал равного суда и не получал его.

ГНОМ был маленький, тщедушный. Казалось, он давно должен кому-то сильному прилипнуть, чтобы тот его защищал, охранял. По приезду его поселили в комнате, которую занимал Ванифатьев с друзьями. Но через несколько дней вещевой мешок Гнома выпхвырнули в коридор, а следом и его самого. На шум прибежала вожатая Вера Рюмина. «Что случилось, Валентинов?» Гном стоял, отвернувшись. Тогда Рюмина заглянула в комнату: «Что тут у вас?»

— Он во сне кричит! Зубами щёлкает! Квакает! Лаёт!.. — закричали ванифатьевцы.

Рюмина махнула рукой:

— Да ну вас! Скажи ты, Жора.

Ванифатьев, развалясь на койке, не поворачивая головы, процедил:

— Уберите Гнома. Чокнутый. Орёт ночью.

Рюмина задумалась. Всюду теснота, комнаты маленькие, койку лишнюю втиснуть некуда.

— Знаешь, Валентинов, — сказала она, — мы подумаем, кого поселить на твоё место, а пока, если хочешь, поночуй здесь... — И она указала на дверь, едва приметную в тени чердачной лестницы.

То была нежилая комната. То была вообще какая-то странная комната. Потолок, скошенный неправильной пирамидой. Окно в коридор, вернее, в сени. Свет в комнату попадал, когда наружную дверь открывали. Впрочем, запирали её только на ночь. Любой из нас переживал бы, попади он в этот чулан. Гном — нет. Он обрадовался, повеселел. Что-то целый день устраивал в своей кону-

ре, мурлыкал какую-то песенку. Открыл окно и протёр его мокрой тряпкой.

ПОЧЕМУ ГНОМ был один? Точнее — почти один. Что означает это «почти» — я объясню позже. Сейчас я понимаю: виной тому блокада. Она его цепко держала и не отпускала. Я знаю таких людей — вот уже больше тридцати лет прошло, а их блокада всё не отпускает.

Мы все тогда ожили, а его она держала цепко ледяными пальцами, не давала головы повернуть в сторону, заставляла его смотреть и смотреть на какие-то одному ему ведомые жестокие картины. Те, кого она не отпускала, отличались от остальных. Они были замкнуты, малоподвижны, старчески задумчивы и болезненно экономны, вплоть до ожесточённого накопительства. Последняя черта была роковой.

В столовую мы врываются как ураган. Минута — и столы чисты. Суп, каша, хлеб — всё исчезало мгновенно.

Гном вёл себя иначе. Он ел медленно, словно нехотя, растягивая удовольствие. Он отщипывал хлеб микроскопическими крохами и долго пережёвывал их, склонив голову, будто прислушивался к чему-то внутри себя. Уже этим он раздражал всех. Его передразнивали, он делал вид, что не замечает. Когда же на стол приносили тарелки с маленькими кубиками масла и сахарный песок в кружках (чай мы наливали сами) — начиналось священнодействие. Из полевой сумки, которая всегда висела у него на боку, Гном доставал две пластмассовые бавки. В одну складывал масло, в другую сыпал песок. Потом корочкой хлеба аккуратно стирал масляный следок на тарелке. Делал он всё это не торопясь, сосредоточенно, ни на кого не обращая внимания.

ТЕПЕРЬ о «почти». «Почти» — это Галя Рейкина (Палкина — как её у нас звали). Рейкина-Палкина относилась к Гному с необычной для её возраста мрачно-страстной за-

ботливостью. Рядом с нею Гном обнаруживал весь свой ничтожный росток. Голоса их — один девичий, тонкий (Гнома), другой басовитый, основательный (Рейкиной), казалось, нарочно звучали рядом, чтобы вызывать улыбку. На это стоило поглядеть — как Рейкина медленно проволакивала вслед за Гномом свои нескладные длинные ноги, как гудела: «Димка, шапку надень, голову напечёт!..» Рейкина единственная звала его по имени, помогала ему выполнить норму в поле, мыла пол в его пещере, стирала Гномово белье. Рейкина себя не жалела, это все знали, а потому боялись с ней связываться. Несколько мальчишек уже ходили по лагерю с украшениями на щеках.

Когда шли домой с поля, Рейкина всегда порывалась взять у Гнома лопату, лейку, тяпку — ну что там он нёс. И тут Гном оказывал неожиданное сопротивление, которое тогда мне было не очень понятно. Теперь, когда я вспоминаю ту пыльную, уха-

бистую дорогу, которой мы возвращались с полей в лагерь, — когда я вспоминаю эту дорогу и на ней Гнома, несущего на плече лопату, мне кажется, я его понимаю — это не лопата, это винтовка, это флаг, это, быть может, единственное тогда открытое проявление гордости, которой он вовсе не был обделён.

Рейкина страдала оттого, что Гном копил масло и сахар. Я сам слышал, с какой яростью она шипела на него: «Димка, не смей, выкинь банки!..» Потом восстала: «Не ешь — и я не буду!» У всех на глазах два дня она отдавала сахар и масло самым слабым девчонкам.

Вначале на Гнома это подействовало — он, словно нехотя, намазывал хлеб маслом... Потом, крадучись, вытащил банку... Рейкина, простив ему слабость, продолжала опекать его с прежней настойчивостью.

КОГДА Анастасия Власовна увидела меня и Гришку сидящими возле мины, нас чуть не выгнали. На

очередном разборе крайнюю меру заменили более мягкой — нас поставили расселить. Мне приказали перебраться к Гному. Когда я переступил порог Гномовой комнаты, увидел его приветливое лицо и услышал такой не мальчишеский мелодичный голос: «А я тебе уже место освободил...» — я даже сплюнул от злости. Нужна мне его забота!

— Сарай, — презрительно сказал я, оглядев голые дощатые стены (в других комнатах были хоть старенькие, да обои). — Не видно ни фига. Ослепнешь тут...

— Разве темно? — искренне удивился Гном. — Нет, сейчас не темно. А вечером свет зажжём, я лампочку хорошую достал.

Он огляделся в своём жилище, как бы приглашая меня познакомиться с ним повнимательнее. Невольно вслед за его взглядом я прошёл по стенам. Там были прибиты картинки из «Огонька» — портреты каких-то героев, фотографии — «ястребки» в небе, морская пехота идёт в атаку, старый чабан в высокой шапке провожает сына на фронт...

Слева от окна, в глубокой косой нише, где потолок под углом сходил на нет, стояла Гномова койка, аккуратно прикрытая серым солдатским одеялом. Рядом, на стуле, — книги. Светлей всего было у стены противоположной окну. Я сказал:

— Здесь койку поставлю.

— Здесь, здесь, — заторопился Гном радостно, — тут хорошо, светло!

— Светло! — усмехнулся я и вспомнил: «А я тебе место освободил...» Значит, его койка раньше тут стояла. И разозлился:

— Вот что, Гном, вали обратно, мне подачек не надо.

— Да что ты, что ты! — Гном засуетился, покраснел. — Это так, пока, потом поменяемся, по очереди будем, ладно?

Он как бы услужливо предлагал лазейку для моего самолюбия — «пока»...

— Ну ладно, если пока, — проворчал я, а сам подумал: «Раз ты дурак, пусть тебе будет хуже...»

Кто-то встал у нашего окна, заслонил свет, крикнул:

— Эй, гномишки, как делишки?!

Вот так. Я презирал Гнома, я был по ту сторону черты, с ними, а им уже наплевать на меня, они уже зачислили меня в «гномишки». Я взглянул на Гнома и увидел по его лицу (хотя он и прятал глаза), что он всё понимает, боится показать свою жалость и мучается этим.

— Здесь прохладно, — сказал он, — на улице жара, а здесь хорошо, верно?

— А мне наплевать! — заорал я. — Наплевать! Понял? Я в этой яме жить не хочу! И не буду! Понял?..

ОБИДА накатывала — волна за волной. Теперь в порыве обиды я готов был всё валить на Гришку. Со мной поступили несправедливо — так я считал. А Гришка от меня отвернулся — это ясно.

За Гришкой всюду бегал теперь, забыв свою лень, Вовка Углов. Вовка подмигивал мне при встрече: дескать, у нас тут такое... Он словно носил за Гришкой мешок его секретов.

«Значит, никакой дружбы не было, — думал я, — просто жули рядом, вот и всё...»

Сначала я избегал Гришку, потом не выдержал, подошёл к нему. Взгляд его был холоден, безразличен. Мне бы опомниться, уйти, а я сказал что-то вроде: «Чего злишься?» Глупее и унижительнее придумать нельзя!

— Я? Злюсь? — он усмехнулся. — С чего ты взял?

Тут меня понесло:

— Значит, не дружим больше, да?

— С тобой-то?.. Характера у тебя маловато. Приказали — ты и лапки кверху.

— Зато у Вовки характер.

— Вовка солдат. От него больше не требуется.

Я не нашёлся, что ответить. В том, что сказал Гришка, была и правда и неправда, как раз в том сочетании, которое ранит больше всего... И получалось так, что я по-прежнему вымещал свои обиды на том, кто был ря-

дом, кто был слабей меня, — на Гноме. Когда он хотел читать — я тушил свет. Когда он хотел спать — я зажигал свет и лениво листал какую-нибудь книжку, хотя глаза мои слипались. Когда он закрывал окно — я открывал его. И наоборот.

Особенно распался я при свидетельствах. Мы были отверженные, с нами не считались. На наше окно сидели, заслоняя спинами свет, проходя кричали: «Гномики, ку-ку!» Гном всё терпел, а я кипел от злости. Мне казалось ужасным, ужаснее, чем развал моей дружбы с Гришкой, быть «гномом», ходить в «гномах». Я старался, чтоб все видели, чтоб все слышали, как я презираю Гнома. Чтобы все знали — если мне приходится жить здесь, это еще ничего не значит. Стоя у окна, я балаганил, я созывал зрителей, я предлагал им вместе поиздеваться над Гномом. «Спешите! — кричал я. — Скорей сюда! Гном в пещере! Последний гном! Спит на хлебных корках!»

Гном молчал. Меня пугала его неуязвимость. Я ненавидел его за нежелание взорваться, возмутиться, броситься на меня с кулаками. Какие там кулаки! Он был полон доброжелательства, он хотел общаться, он был рад, что не один теперь.

Говорит мне вечером:

— Как ты думаешь, что с Землёй будет?

— Что-о?! — в эту интонацию я вкладываю всё пренебрежение к нему, ко всем его вопросам, настоящим и будущим.

— Как что? — волнуется он. — Смотри — воду выкачивают, нефть, уголь, железо берут...

— Ну? — подначиваю я его насмешкой. Он её не замечает.

— Так ведь пустая когда-нибудь станет. Одна скорлупа останется! Что тогда?

— Дурак ты. Ничего особенного не будет.

— Нет, будет! — Голос его понижается до шёпота. — Масса меньше станет!

— Ну, меньше, — соглашаюсь я нехотя.

— Значит, изменится орбита, — го-

ворит Гном, — а если орбита изменится, всем хана. Наступит всеобщий мрак и лёд.

— Трепотня!

— Да нет, это серьёзно! Очень серьёзно! И знаешь, есть выход!

— Какой?

— Надо накачивать пустоты каким-нибудь газом. Только вот не знаю, каким. Газ взорваться может...

Я издеваюсь над ним, а сам думаю с завистью: «Чёрт, откуда у него всё это?..»

— КУДА ВЫ, куда?! Миленькие, не трогайте! Руки обжёт, руки! У-у-у, задымилась... Пустите меня, ну, пустите, я не хочу, пустите... сахар, сахар, сахар, это не лёд, это сахар, кусочек отколи, кусочек...

Это был голос Гнома. Я вскочил, бросился к выключателю, потом к его постели. Свет напугал его. Он замахал руками, прикрыл лицо и забормотал что-то совсем уж невнятное. Я схватил его за плечо:

— Гном! Проснись! Слышишь!

Глаза его открылись, нет, они как бы внезапно появились на лице, где их до того не было... Он ничего не понимал.

— Гном, ты бредил!

Наконец он посмотрел на меня осмысленно:

— Что-то приснилось... Жар, холода...

Я стоял перед ним в майке и трусах, и хотя ночь была не холодная, меня била дрожь.

— Ну, ты спи, — сказал я, чтобы как-то закончить всё это, и пошёл к своей койке. Лечь я боялся, мне казалось — только лягу, опять начнётся.

Долго я не спал, прислушиваясь к дыханию Гнома, и оттого, что я был полон ожиданием нового бреда, я всё не спал, не спал и только к утру забылся.

Разбудил меня Гном:

— Вставай, завтракать пора. Я на кухне был, сегодня пшёнка...

НА СЛЕДУЮЩУЮ ночь он снова разговаривал во сне. И ещё подряд три ночи. Каждый раз я просыпал-

ся, словно что-то подбрасывало меня на койке, бежал по холодным половицам, расталкивал его безжалостно и при свете голой лампочки видел его лицо, на котором каждый раз заново вырастали глаза...

Потом я заворачивался в одеяло и сидел, опустив голову в колени. Я ждал, когда это снова начнётся, и проклинал всех на свете — Анастасию Власовну, Гнома, Гришку...

Утром Гном избегал меня, старательно обходил стороной, заговаривать не пытался, а я делал вид, что не замечаю его. На четвертую или на пятую ночь я разбудил Гнома и, схватив в охапку одежду и одеяло, выскочил в коридор. В ночной тишине под моими ногами громко скрипели рассохшиеся половицы. Я подкрался к бывшей своей комнате и постучал. Подождав, я постучал ещё раз — сильнее. Ни звука. Нет, эта комната была мне уже чужой. Как и та...

Я вернулся к Гному. У него горел свет. Он сидел на койке и ждал меня. Я видел, что он и обрадовался и растерялся, когда я вошёл.

— Не говори никому, ладно? — быстро сказал Гном. — Я... я не буду больше.

— Чего не будешь? — спросил я, хотя прекрасно знал, о чём он.

— Ну, разговаривать... ночью...

— Ах, вот что! — Я захохотал как-то неестественно громко. — «Сахар, сахар! Отколите кусочек! Отколите кусочек!..»

Гном посмотрел на меня внимательно, глаза его были печальны. Я не мог глядеть в них долго, хотя от злости хотел его переглядеть.

— Это правда? Я так говорю? — спросил он тихо.

— А ты что, не знаешь? — удивился я.

— Нет, — просто ответил он.

— Вот оно что... — Я как-то даже растерялся.

— У меня все... в сорок первом... — Гном проглотил слюну, а может, и слёзы... — у меня все: мама, тётя, сестрёнка... я не мог сутки дверь открыть... а на лестнице...

А на лестнице, я догадался, на

лестнице никого не было, потому что там все умерли.

— Я изрыл её топором, и сломал, и вышел...

Мы сидели на своих койках и молчали, а ночь медленно превращалась в утро. Потом Гном сказал:

— Ты не думай, я в дружбу не навязываюсь...

— У тебя Рейкина есть, — не удержался я.

— Галя добрая, — сказал он, — только глупая. Лучше глупый, чем злой...

Я КОПАЛ картошку, а следом шли ребята с ведрами — подбирали. Работали тройками — один копал, двое подбирали и носили. Меня кто-то позвал. Я обернулся — Гном. Я сразу понял — что-то с ним случилось. Он был жалкий какой-то, губы дрожали.

— Сумка... Мою сумку — не видел?

— Нет. — Я заметил на глазах его слёзы. — Ты чего? Найдёшь...

— Уже искал. Я повесил на дерево. Они попросили ящик поднести...

— Кто они?

— Батый.

— Куда ж она подевалась? — Я всё понял.

— Не знаю...

Я отвернулся. Но мне хотелось знать, что будет дальше. Я посмотрел через плечо... Гном стоял в конце межи, против Батые, который покачивался, опершись на лопату, и сплёвывал себе под ноги. Я не слышал, о чём они говорили, только Батый взял Гнома за куртку, тряхнул и отбросил от себя. Гном упал, медленно поднялся, огляделся вокруг... За кустами кто-то хохотнул коротко и замолк, словно рот ему зажали. Спотыкаясь, Гном пошёл по дороге.

...С другого конца поля, перескакивая через кусты картофеля, неслась Рейкина. Она с ходу набросилась на Батые, схватила его за волосы, опрокинула на землю, стала пинать ногами. Из-за кустов выскочили его дружки. Рейкина размахивала руками, не подпуская к себе

мальчишек, а те окружали её при-
танцовывая и гогоча...

Рейкина дралась молча, ожесто-
чённо. Потом вдруг ни с того ни с
сего остановилась как вкопанная,
огляделась растерянно — Гнома
искала, что ли... Её сильно ударили
по лицу. Она всхлипнула, закрылась
руками, но тут же выпрямилась,
схватила лопату.

— Психичка! — закричал Ба-
тый. — Отвали!

Мальчишки отскочили, рассыпа-
лись. Рейкина бросила лопату и по-
бежала к дороге. Никто за ней не
гнался, но бежала она так, словно
её вот-вот догонят и начнут бить.

НА ДВОРЕ около столовой дыми-
лась куча белесого пепла. Пепел был
лёгкий и светлый, шевелился под ве-
терком. Подошла Вера Рюмина.

— Что случилось с Валентино-
вым?

— А что? — на всякий случай
спросил я.

— Да вот — вытряхнул сено из
матрасника, поджёг, вещи собрал и
на станцию...

Я рассказал ей, что было в поле,
только про Рейкину смолчал.

— А вы что — вступиться не
могли?

— Кто — мы?

— Ну, ты, Гриша...

— Буду я за неё вступаться!

— За неё? За кого это — за неё? —

Рюмина подозрительно прищури-
лась.

— Ну, за него...

— Ты же в одной комнате с ним
живёшь! — воскликнула Рюмина.

— Не живу, а переселили! —
огрызнулся я.

Рюмина махнула рукой и пошла
со двора.

В комнате на пустой Гномовой
койке сидела Рейкина и ревела. Она
поглядела на меня с такой ненави-
стью, что я сразу ушёл. Я долго сто-
ял посреди двора и смотрел на жи-
вой белый пепел, шевелящийся у
моих ног.

Во время обеда Рейкина подошла
к Батыю, взяла миску с супом и вы-
плеснула ему в лицо. Он дико за-
кричал. По чёрным его волосам, по
рубашке растекалась лапша. Рейки-
на убежала. Вечером мы узнали, что
она тоже уехала в город.

ГНОМ медленно прошёл мимо
меня, бережно держа в руке только
что купленную пластинку. Костюм
на нём был поношенный, но тщательно
отутюженный. Из-под коротких

брюк виднелись нелепые ярко-зелёные носки и сандалии, детские, с дырочками, которых теперь никто не носит, разве что пенсионеры. Ещё я заметил краешек улыбки, обращённой в себя. Полевая сумка елозила по бедру, когда он шёл. Я ото двинулся в тень и спрятал глаза. Я сделал это невольно, когда он проходил мимо.

Потом я посмотрел в окно и увидел Гнома уже на улице, рядом с женщиной. Она несла тяжёлые авоськи. Я видел, как упорно Гном пытался отнять у неё одну авоську. Наконец это ему удалось. Женщина недовольно повела плечом, что-то сказала. Потом подбородком дёрну-

ла — вперёд... Он пошёл рядом с нею, маленький, в мешковатом костюме.

Я вышел на улицу, догнал их. Женщина купила два эскимо. Потом снова сделала подбородком. Неужели Рейкина?! Я обошёл их быстро, повернулся, пошёл навстречу. Да, это была Рейкина. Немолодая, строгая Рейкина, стриженная, ширококостная. В авоське она несла яблоки, горшочки для цветов, длинные кривые огурцы, ярко-красный игрушечный автомат, ещё что-то... Гном задумчиво поедал эскимо. Рейкина шла чуть впереди и, как ледокол, расчищала ему путь. Когда она шла, все сторонились или отводили плечо в сторону. Я тоже отвёл плечо.

Рис. В. Орлова

Анатолий ПЕТРОВ

Пулемётчик

*Подо Мгой это было. На чёрном сугробе
Пулемётчик лежал в ту январскую ночь.
Пулемётник его задышался в ознобе —
Очень надо пехоте залегшей помочь.
Очень надо пройти сто горячих шагов...
И дожить до победы так надо!*

*И опять начинал говорить пулемёт,
Подымая в атаку пехоту...
В эту ночь пулемётчик в бессмертье шагнёт,
Прикипев навсегда к пулемёту.*

Рис. В. Орлова

Халмурат САПАРОВ

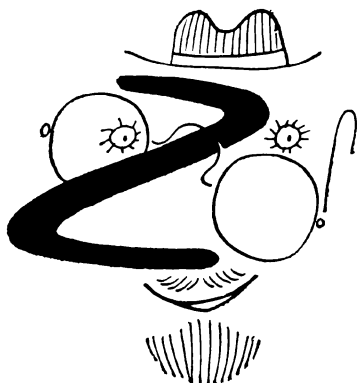
Книга

*Кто на все вопросы мне ответит,
Кто расскажет про дела вокруг?..
Да, такой волшебник есть на свете —
Книга, лучший спутник наш и друг.
С ней легко на отдыхе и марше,
С ней шагать по жизни веселей.
Прочитал — и стал как будто старше,
Прочитал — и сделался сильнее.*

Рис. К. Дмитрикова

Перевод с каракалпакского
Николая КРАСИЛЬНИКОВА

ЗДРАВСТВУЙТЕ! Меня зовут Абзац. Те из вас, кто учит немецкий, возможно, уже слышал моё имя. А не слышали — неважно. Потому что вы все со мной хорошо знакомы. Да-да, абсолютно все! Я живу в каждой книжке, в каждой школьной тетрадке, на афишах, плакатах, объявлениях.

И не один, а вместе с тысячами и тысячами моих братьев-абзацев. Нашего брата видимо-не-

видимо. И скорее невидимо, чем видимо.

Потому что абзац — это отступ, с которого начинается новая строка. Там, где скрываюсь я, вы видите только белую бумагу. Но с меня, по сути дела, начинается каждый рассказ, каждая повесть.

А теперь вы, наверное, спросите, причём тут знак Зорро! Да ни при чём. Это не знак Зорро, а мой портрет и моя подпись одновременно. Мне, конечно, очень лестно, что мы с защитником угнетённых подписываемся одной буквой, но это просто совпадение.

Книгу пишет писатель, а делают её множество людей. И вот чтобы все они хорошо понимали друг друга, придуманы специальные слова и знаки. Например, есть у меня родственник — форзац (так называется двойной лист, который скрепляет обложку книги с остальными страницами). Впрочем, о том, как делается книга, я вам расскажу подробнее потом, отдельно. А сейчас только запомните, что вот этот «знак Зорро» — просто сигнал наборщику начать текст с красной строки.

Типографский наборщик составит из металлических букв строку, другую, третью и т. д. Получится целая металлическая страница. Намажут её краской, приложат лист бумаги — вот и готов отпечаток странички будущей книги. А везде в началах новых строк — я, Абзац.

Так что я первый знакомлюсь с каждым новым изданием. А мои братцы рассказывают мне и о тех книжках, которые ещё пишутся. Ведь при письме тоже делают абзацы. Теперь я стану знакомить и вас со всем, что узнаю нового. А для начала расскажу я вам с помощью моих друзей-журналистов о двух наших молодых авторах, чьи произведения напечатаны в последних номерах «Искорки» за прошлый год.

Словом, дайте руку и вперёд, в путешествие по стране Читалии!

На ком держится земля

РАССКАЖУ я вам одну историю. Как-то, лет пять назад, пришёл в редакцию «Ленинских искр» молодой человек: «Я вот рассказ принёс. Посмотрите, пожалуйста». Рассказ назывался «Сумочка», был он маленький, но весьма симпатичный. «Берём, — сказали ему. — Только нельзя ли вот здесь заменить «не получалось» на «не заладилось»? — Конечно. Так, по-моему, лучше будет...»

Сказано — сделано. Рассказик напечатали. Ребятам он понравился. А самое примечательное, что сначала он понравился машинистке, которая его печатала, и корректорам, ко-

торые проверяли в нём ошибки. А сами понимаете, этим людям ежедневно приходится столько всякой разности читать и они-то уж точно знают, что хорошо.

А теперь раскройте двенадцатый номер «Искорки» за прошлый год на стр. 28. Там напечатан небольшой рассказ Александра Гиневского «Ну, кино!..» Он и есть автор той самой «Сумочки».

Между первым и последним (пока!) своим рассказом Александр Гиневский не сидел сложа руки. Он работал, ездил по стране, переменял множество профессий, но литературе не изменил. Его новые вещи пече-

тались в альманахе «Дружба», в нашей «Искорке». И вот недавно вышла первая книга Александра Гиневского «Парусам нужен ветер».

Не будем пересказывать её содержание: лучше автора вряд ли скажешь, а читателю только повредишь — зачем ему всё наперёд знать?

Посмотрим лучше, что за люди живут в этой книжке. Храбрые! Толик в одиночку сражается с громадным петухом-забиякой. И добрые! Тот же Толик, победив противника, сразу говорит ему: «Пегька, вставай! Не лежи на сырой земле — простудишься! А я драться больше не буду, ладно?» Друг его Вовка отдаёт коню свой хлеб. А если ребяташки и поссорятся, то вскоре бегут друг к другу мириться.

И взрослые в этой книге такие же. Они никогда не отмахнутся от вопроса: мол, отстань, некогда, ты всё равно не поймёшь. «Вовка, я виноват перед тобой, — говорит папа. — Помнишь, я тебя отлупил, когда ты кота ножницами остриг? Но и ты виноват: ведь ты мог его поранить...» — «Папа, а ты меня любишь?» — «Люблю. Мне без тебя было бы знаешь как скучно на свете. Оказывается, и ты мне нужен и я тебе».

Нужны друг другу — вот главное! Детей в книге Александра Гиневского окружают взрослые — друзья. И совсем необязательно, чтобы эти

взрослые-друзья были твоими родителями. Новый сосед Валерий Николаевич везёт мальчишек в парк и учит лазить по деревьям: «Страшно? Тогда лезь выше. Иначе никогда не научишься преодолевать свой страх!» Незнакомые люди в деревне говорят Вовке: «Ешь, не стесняйся! Мы тут все свои — пальцевские!» И оказывается, что Вовка хоть и не пальцевский, но тоже — свой. Бригадир каменщиков Василий Семёныч не гоняет любопытных ребят со стройки — он поступает проще: пропиливает в заборе отверстия на высоте детского роста — пожалуйста, глазейте!

Весело и полно живётся героям книги. Конечно, бывает, и они грустят. Грустит Вовка, оттого что никогда не спасёт ямщика, который вот уже столько лет всё «замерзает в степи» по известной песне. Грустит мотогоныч Гаврилкин: он проиграл в честной борьбе. Но тут же спешит пожать руку новому победителю — ведь так раньше всегда поступал соперник!

Словом, непременно прочтите книжку. Вы тоже подружитесь с её героями. И потом, в жизни, уже, наверное, не пропустите таких же чутких, терпеливых, умелых людей. Людей, на которых, по справедливому утверждению автора, и держится земля.

АБЗАЦ

Георгий АРШИННИКОВ

БУДЕМ ДОБРЫ

Шести лет он страшно боялся, что никогда не научится читать. Это казалось таким нелепым, таким невероятным чудом, что, едва научившись читать, он сразу принялся писать: раз случилось одно чудо — получится и другое!

Его первый роман начинался внушительной фразой: «Наша станица стоит на высокой горе». И на этой же фразе... закончился:

станция, где жил мальчуган, располагалась отнюдь не на горе, а наоборот — в низине.

Попытка была небольшой, посему и огорчение было недолгим. Но запомнилось и заставило призадуматься: так что же такое литература?

А станица-то его и на самом деле была просто замечательная. И люди в ней жили отважные,

хваткие, щедрые и гордые. Из поколения в поколение передавались истории о славных деяниях предков.

Ещё до школы Боря Алмазов знал, что уже прапрапрадеды его верой и правдой служили Отчизне.

Его отец умер от ран, полученных в Великую Отечественную. Мать с начала войны с белофиннами и до 1944 года — медсестра на фронте.

Что должен делать единственный в роду оставшийся в живых мужчина? Конечно, тоже стать бойцом. И стать врачом — помогать людям, как мама. Другой судьбы мальчик не представлял.

Но какой казак не поёт? Шести лет Боря Алмазов был принят в ленинградскую Капеллу. Однако необходимо было учиться и жить в интернате. А мать не могла с ним расстаться. Тогда мальчик поступает в семилетнюю музыкальную школу и заканчивает её по классу скрипки.

Получать два образования сразу — штука нелёгкая. Особенно, когда хочется получить и третье — некоторое время Борис занимается ещё и скульптурой в художественной школе. Сил на всё не хватило и вот результат: семь троек в табеле.

Мать решила по-солдатски: на всё лето отдала его в пастухи. Четырнадцати лет он научился ездить верхом и, бывало, проводил в седле по 14—16 часов в сутки.

Когда он вернулся в школу, с удивлением понял: что-то случилось. «До этого, — вспоминает Борис, — со мной никто почти не дружил, и за дело: был я тогда хилым, сутулым и жутко высокомерным. А тут почувствовал, однокашники ко мне потянулись, им стало интересно со мной. Почему? Теперь я думаю потому, что за это пастушечье лето я лучше понял себя, понял людей... Главное, добрее стал».

Он заметил и другое: семья живёт трудно, ведь мужчины в доме

нет. После девятого класса Борис пошёл на химический завод прибористом — не приняли по возрасту. Тогда он стал работать слесарем и достиг в этом деле 3-го разряда. Потом овладел специальностью токаря — а тоже интересно!

Пора выбирать институт. На семейном совете бабушка сказала: «Жизнь слишком коротка, чтобы тратить её на нелюбимое дело. Кем ты хочешь быть?» — «Актёром!» Борис поступил на актёрское отделение Ленинградского института театра музыки и кинематографии. А через месяц ушёл оттуда: решил, что недостаточно талантлив. Он стал рабочим сцены в институтском театре. А в свободное время ходил на лекции в Университет, в пединститут, заглядывал в медицинский: мечта стать врачом влекла по-прежнему.

Кончилось так: он поступил на театроведческий факультет своего же института — вторым из абитурантов! И сразу почувствовал: он на своём месте. По душе было всё: и предмет, и преподаватели, мастера своего дела. Учился Борис вечером, а днём работал массажистом. Потом была армия, служба в самых что ни на есть романтических войсках — в десанте, закладка на всю жизнь. После армии работа в геологических партиях на Крайнем Севере. Была мечта снова вернуться в конный спорт — он занимался в манеже с пятнадцати лет, но в 1972 году упал на соревнованиях и основательно повредил позвоночник...

Теперь, наверное, многие из вас воскликнут: «Ага, всё ясно! Борис Алмазов — конечно тот, кто написал книгу «Самый красивый конь». А сейчас вот и фильм такой вышел... Значит, он всё это про себя написал».

Тот самый — да. А вот только ли про себя — вопрос сложный. Верно, Борис Александрович Алмазов написал про учителя Бориса Степановича Хрусталёва. Правильно, Б. А. Алмазов тоже учитель и десятый год преподаёт в

школе факультативный курс по истории искусств. Но и в книге, и в фильме — не близнецы автора, не его копии, а совсем другие люди, только в чём-то похожие на него. И тренер Борис Платоныч подобрал в себя черты четырёх реальных людей, тренировавших в разные годы Бориса Алмазова. Потому что копировать людей — не задача искусства. Его задача воспитывать людей. Воспитывать не поучениями, а красотой.

— Раскрыть глаза души человеческой призвано искусство, — говорит Борис Алмазов.

...В Новый, 1973-й год, за одним столом собрались разные знакомые и полужнакомые люди: кто-то пришёл сам, кто-то привёл приятеля. Тут были и врач, и токарь, и литератор, и химик, и журналист. Хозяин дома был широкоплеч, борода, кудряв, и непрерывно веселил гостей, рассказывал байки, охотно брал гитару и пел любую песню, какую просили — от самой старинной, до последней эстрадной новинки.

Случилось так, что гость-журналист в какую-то паузу потолковал с хозяином и договорился о новой встрече. После неё на страницах газеты «Ленинские искры» было напечатано 20 очерков о культуре поведения под рубрикой «Ежели вы вежливы...» Как звали гостя — неважно, а вот хозяина и автора этих очерков звали Борис Алмазов.

На писателя не учат, писателями рождаются. А как ими становятся — вы уже прочли. Газета напечатала затем первую повесть Б. Алмазова «Самый красивый конь», потом его же «Чалых, гне-

дых, вороных» (очерки о лошадях и конниках), потом новую повесть «Деревянное царство». Первая повесть стала книгой и фильмом. В прошлом году наш журнал опубликовал последнюю работу Б. Алмазова — повесть «Посмотрите, я расту!» В том же году эта повесть получила премию Всероссийского конкурса на лучшее художественное произведение для детей, проходившего под девизом «Моя советская Родина».

В 33 года Борис Алмазов успел много. Вероятно, потому что ему и многое дано природой, родителями, наставниками, всей нашей советской страной. Есть такая пословица: «Если у человека слишком много способностей, пусть не расстраивается — он еще может стать журналистом». Журналистом и профессиональным, Борис Алмазов стал давно. Писателем? Об этом вы вполне можете судить сами.

Часто, видя разносторонне одарённого человека, мы качаем головой: «И как это, зачем одному так много дано?» На этот вопрос может быть только один ответ: «Чтобы раздать всё это другим людям!»

— Когда я выступаю в школах, — говорит Борис Алмазов, — я часто спрашиваю ребят: «Какими вы хотите быть?» Отвечают: «Смелыми, умными, сильными...» И никто не говорит: «Добрыми». Однако, спроси кого-нибудь: «Почему ты с тем-то дружишь?» Подумает и обязательно скажет: «Он добрый». Убеждён: доброта — самое главное качество человека, учить доброте — самая главная задача всех пишущих для детей.

самое РЕКОРДЫ МОРЕЙ И ОКЕАНОВ самое

САМЫЙ глубокий океан — Тихий. Его наиболее распространённые глубины — от 3500 до 6000 метров.

САМАЯ большая океанская глубина — 11 034 метра также принадлежит Тихому океану. Она была измерена в 1957 году в Марианской впадине океана советским исследовательским судном «Витязь».

САМОЕ маленькое море на земле — Мраморное. Его площадь около 11 000 квадратных километров.

САМЫМ крупным морем нашей страны является Берингово море. Площадь его равна 203 400 квадратным километрам.

САМЫЙ мелкий океан — Северный Ледовитый. В нём преобладают глубины от 1000 до 4000 метров.

САМОЕ рыбообильное — это Японское море. Одних только видов рыб насчитывается в нём 603, а сколько ещё иной съедобной живности!.. Кальмары, осьминоги, креветки, морские ежи, звёзды, мидии, гребешки, губки, трепанги!..

САМОЕ холодное из морей — Восточно-Сибирское. Летом здесь температура поверхности воды не превышает 6 градусов, а зимой достигает минус 2 градусов.

САМОЕ пресное море — Балтийское: его воды содержат всего 0,3—0,8 процента солей.

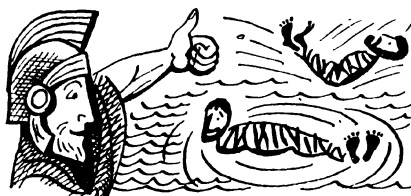
САМОЕ глубокое место в водах, омывающих СССР, находится к северу от острова Врангеля. Глубина здесь достигает 5440 метров.

САМОЕ крупное море нашей планеты — Коралловое. Его площадь 4,8 миллиона квадратных километров.

САМОЕ тёплое море земли — Красное. Температура поверхности его воды редко опускается ниже 32 градусов тепла.

САМЫЙ солёный океан в мире — Атлантический. Вода в нём содержит 3,50—3,58 процента солей.

САМОЕ солёное море — тоже Средиземное. Здесь в 1 кубическом метре содержится 28—31 килограмм соли, вместо обычных 5—6 килограммов. В замкнутых озёрах концентрация соли может быть и больше. Таковы Мёртвое море на Ближнем Востоке, Солёное озеро в США, Эльтон и Баскунчак в СССР. В Мёртвом море, к примеру, утонуть невозможно. Лёжа на его воде можно спокойно читать газеты и даже записывать наблюдения. Во время осады Иерусалима в 70-м году нашей эры римский военачальник Тит осудил несколько рабов на смерть и, опутав их цепями, приказал бросить в море. Но осуждённые не утонули. Тита так удивило это чудо, что он помиловал рабов.

самое СОВРАТ В КОЗИЦКИЙ самое

КОНФЕТЫ НА... ДЕРЕВЕ

Оказывается, конфеты растут на... дереве. Такие деревья есть в сочинских парках. Это 15-метровые деревья, их плоды похожи на корочки, но не они являются лакомством, а мясистые длинные плодоножки, которые содержат до 23 процентов сахара.

Пока в Сочи встречаются только отдельные экземпляры конфетного дерева, но садовники обещают посадить и вырастить целые аллеи этих сказочных деревьев.

СЫР... ПО НАСЛЕДСТВУ!

В Швейцарии существует интересный обычай. В день рождения ребёнка готовят большой сыр, на котором пишут имя новорождённого и дату рождения. Этот сыр передаётся по наследству детям. Он бережно сохраняется и извлекается только как украшение к праздничному столу, в торжественных случаях жизни семьи.

ПУТЕШЕСТВИЕ В СКАЗКУ

В Новом Афоне, на самом берегу Чёрного моря, возвышается Иверская гора, внутри которой природой созданы нерукотворные дворцы и чертоги. Недавно это «подземное царство» открылось для посещения туристами. Строители проложили в глубь горы 1360-метровый транспортный туннель, по которому ходит миниатюрный электропоезд.

Огромные двери изолируют внутреннее помещение пещер от внешнего мира. Ведь природа установила здесь своеобразный терморегулятор, поддерживающий постоянную температуру 12—14 градусов. Но вот ворота открываются и вагончики мчат вас по туннелю.

Замечательное творение природы занимает площадь более 40 тысяч квадратных метров. Здесь расположено несколько

залов. К каждому из них ведут бетонные пешеходные дорожки. Вот Зал грузинских спелеологов. Он поражает гигантскими размерами (входит в число 20 крупнейших подземных залов мира). В нём можно разместить 14-этажный дом. Под лучами искусно замаскированных прожекторов лежит зеркальная гладь подземного озера Анатолия. Впечатления от путешествия в сказку усиливает музыка.

ПТИЦА-«КЕНГУРУ»

Мексиканский орнитолог Мигель Альварес дель Торо обнаружил редкую водяную птицу. Она, подобно австралийскому кенгуру, носит своих птенцов в «кармане». Под крыльями у птицы два «кармана», которые образуют пуховое ложе для малышей.

Другая особенность редкой птицы: птенцов носит самец, а не самка.

...берега нашей Родины омывают 14 морей и 2 океана! Общая протяжённость морских границ СССР достигает почти 48 тысяч километров. Море — неисчерпаемая кладовая сокровищ, таящихся в его недрах. Особого внимания заслуживает так называемая «тяжёлая вода». Её на 6 тысяч частей морской воды приходится всего одна часть, но один килограмм «тяжёлой воды» даст столько энергии, сколько 400 тонн угля.

...производство «железного пластика» освоено на Губахинском химическом заводе (Пермская область)! Так назван синтетический материал — заменитель меди, латуни и некоторых видов стали. На заводе работают над расширением его производства.

Содержание

Принимает вахту Новый год. Стихотворение Вольта Суслова	1
Петербург до Петербурга. Очерк Василия Островского	2
Саня Дырочкин — человек семейный. Повесть Семёна Ласкина	11
Яблоко. Рассказ А. Моргуна	25
Письмо из блокады. Стихотворение Валерия Шумилина	27
Рахмат, Ташкент! Рассказ Владимира Липилина	28
Зимний лес. Стихотворение Элиды Дубровиной	36
В списках героев не числятся. Очерк Лидии Потаповой	37
«Соседи по планете»: Завещано Лениным. Очерк Юрия Дмитриева	42
Гном. Рассказ Александра Крестинского	48
Пулемётчик. Стихотворение Анатолия Петрова. Книга. Стихотворение Халмурата Сапарова	57
«Страна Читалия»: На ком держится земля. Будем добры. Очерк Георгия Аршинникова	58
Самое-самое	62
Пёстрые заметки	63

На 1-й странице обложки рисунок Ю. Бочкарёва «Новогодняя встреча».

На 2-й странице обложки фотоэтиюд Н. Володина «Смелыми не рождаются».

На 3-й странице обложки рисунок Ю. Бочкарёва «В 1592 году...».

На 4-й странице обложки рисунок П. Вискова «Перезимуем!».

Редактор Л. А. АНИЩЕНКО

Редактор-составитель В. В. ГУСАРОВ

ОБЩЕСТВЕННАЯ РЕДКОЛЛЕГИЯ: А. Е. Власов, Н. А. Внуков, И. Л. Дворкин, К. И. Курбатов, А. М. Млодик, В. Н. Суслов.

Адрес редакции: Ленинград (191023), Фонтанка, 59, комн. 444. Телефон: 212-87-55.

Сдано в набор 12/XII 1977 г. Подписано к печати 5/I 1978 г. 4 п. л.
М-07203. Зак. № 421. Формат бумаги 70 × 108¹/₁₆. Цена 10 коп. Тираж 55 000 экз.

Ордена Трудового Красного Знамени типография им. Володарского Лениздата.
Ленинград, Фонтанка, 57.

С этого
начинается
новая
повесть

Александра
ИВАНЧЕНКО

«ТРУБКА ПИРАТА»

В январе 1592 года
капитан бригаantina
"Чёрная смерть"
пират Доминики Дэвис
атаковал в
Карибском море
французское
судно...

РИСУНКИ
ИВАНЧЕНКО

КОТОРУЮ ВЫ
СМОЖЕТЕ ПРОЧИТАТЬ

В
ЛЕТНИХ
НОМЕРАХ
НАШЕГО
ЖУРНАЛА

